Абдурахман Авторханов

Загадки смерти Сталина

Источник: Загадки смерти Сталина
С. Аллилуева. Двадцать писем другу
А. Авторханов. Загадки смерти Сталина Барнаул. Алтайское книжное издательство, 1993. – 256 с.

- **Разногласия между Политбюро и Сталиным**
- **Историческое поражение Сталина**
- **Разгром "внутреннего кабинета"**
- **Последние дни Сталина**
- **Как произошел переворот?**
- **Конец Берия А. Авторханов. Еще раз о "загадке смерти Сталина"**

ОТ АВТОРА

На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев — для Сталина и Берия. Рано или поздно один должен был уступить место другому или оба погибнуть во взаимной борьбе. То и другое случилось почти одновременно. Настоящее произведение и посвящено реконструкции исторического процесса последних пяти лет сталинского правления (1948 – 1953), приведшего к этому.

При тиранических режимах, политика есть искусство чередующихся интриг. Придворные интригуют, чтобы оказаться поближе к тирану, а тиран - чтобы натравливать их друг на друга: ведь придворные, постоянно соперничающие между собой, не способны организовать заговор против своего владыки. В подобного рода интригах Сталин и его клика не имели себе равных.

Сталин окружил себя людьми, преданность которых обусловливалась не общественными идеалами, а лишь соображениями карьеры. Каждый из них боролся за Сталина, ибо Сталин — это власть, но чтобы они не объединялись против него в борьбе за власть, Сталин разжигал среди них взаимную ненависть. Эта тактика имела и еще одно преимущество: когда Сталину было нужно "пустить в расход" кого-нибудь из своей клики, он делал это по доносам одних, при энтузиазме других и при молчаливом согласии остальных.

У правящей элиты было атрофировано самое элементарное чувство коллегиальной солидарности для спасения своих отдельных представителей хотя бы ради своего собственного спасения. Этим воспользовался Сталин до войны, на пути к единоличной тирании. Этим Сталин продолжал пользоваться и после войны, пока самый способный из его учеников — Берия - не превзошел своего учителя.

Если каждый из членов последнего сталинского Политбюро умер или умрет своей смертью, то это благодаря тому, кого они убили: Берия. Если не состоялась вторая, куда

более грозная, чем в ежовщину, "великая чистка", если сотни тысяч людей были спасены от чекистских пуль, а миллионы - от концлагерей, то этим, вероятнее всего, страна обязана тоже Берия. Это не было его целью, но это было его невольной заслугой.
Когда Сталин решил ликвидировать свою "старую гвардию" (молотовцев), апеллируя к "молодой гвардии" (маленковцам). Берия первый разгадал его стратегический план — уничтожить всех членов Политбюро по шаблону 20-х и 30-х годов: "старую гвардию" — при помощи "молодой гвардии", "молодую гвардию" — при помощи "выдвиженцев". Но Сталин просчитался: его окружали теперь не идейные простофили 20-х, не политические евнухи 30-х годов, о его же духовные двойники, выпестованные им самим, по его собственному криминальному образу мышления и действия. Но на высоте криминального искусства самого Сталина стоял среди них только один Берия. К счастью народов СССР, Бог лишил Сталина разума в тот самый момент, когда он направил его гнев в сторону Берия.
С уму непостижимой оплошностью Сталин выдал себя, сформулировав обвинение кремлевских "врачей-заговорщиков": ведь обвинение всей сети верховных органов госбезопасности в попустительстве "заговорщикам" было прямо направлено против Берия. Берия слишком хорошо знал и Сталина, и судьбу своих предшественников, чтобы строить иллюзии. Сталину теперь нужна была его голова. У Берия не было никаких других средств спасти ее, кроме того как лишить самого Сталина его собственной головы.
Вот так и был организован беспримерный по трудности, но и блестящий по технике исполнения заговор Берия против Сталина. Организатор заговора доказал, что он превзошел Сталина в том, в чем последний считался корифеем: в искусстве организации политических убийств!
Естественно, в результате власть Сталина оказалась у Берия. Члены Политбюро, судьбой которых Берия теперь мог распоряжаться, решили отнять у него власть. Возглавленный Хрущевым, был создан второй, беспримерный по трусости заговор - против Берия, заговор, который, по существу, был убийством из-за угла. Впрочем, таким же был и организованный

впоследствии заговор против самого Хрущева — с той лишь разницей, что его оставили в живых.
Не абстрактные спекуляции, не искусственные конструкции, а логика целой цепи косвенных доказательств, называемых в юриспруденции уликами, привела меня к окончательному выводу: Сталин умер в результате заговора. Заговор этот не был импровизацией. Он был лишь последним актом той продолжительной послевоенной трагедии, в которой актеры как бы поменялись ролями: предназначенные к гибели герои умертвили "бессмертного", чтобы самим остаться в живых. С такой же уверенностью я не могу этого утверждать о втором аспекте моей темы: как был умерщвлен Сталин. Коллапс как последствие шока от заседания Политбюро с последующим вредительским лечением или яд замедленного действия, полученный от Берия? Впрочем, собранные мною улики для того или другого случая я предоставляю на суд самого читателя.
Я не буду останавливаться на характеристике использованных мною советских и западных источников, но немного надо сказать о моих частных источниках информации из СССР. В этом отношении оказался в несколько более выгодном положении, чем другие историки на Западе. Объясняется это тем, что КГБ широко разрекламировал мою книгу "Технология власти" (1959): на многих политических процессах в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах она фигурировала — в издании самиздата — как вещественное доказательство против подсудимых (за нее мастера фальсификации из ЦК сочинили мне биографию, в которой нет ни одного слова правды, кроме моего имени). Уже в той книге написал, что загадочная смерть Сталина последовала, вероятно, в результате заговора четверки (Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина) и что подозрительно само это подчеркивание в официальном сообщении о месте нахождения заболевшего Сталина "в Москве в своей квартире" (А. Авторханов. Технология власти. 1959, стр. 282, 285). Все мои дальнейшие поиски за истекшие годы и были посвящены этой "загадке смерти Сталина". Но так как "Технологию власти" переиздал не только самиздат, но и ЦК КПСС - в издательстве "Мысль", с грифом "запрещенная литература", — то у нее оказался относительно широкий круг читателей. Отсюда и приток ко мне по разным каналам дополнительных сведений

о том, как происходили некоторые из описываемых мною послевоенных событий. К сожалению, в момент создания книги я был лишен возможности использовать их полностью. Для этого тогда еще не наступило время. Исключение было сделано только в тех случаях, когда аутентичность материала кажется бесспорной или поддается объективной проверке.

А. АВТОРХАНОВ

Когда одного из большевистских завоевателей Грузии Буду Мдивани, соратника Ленина и врага Сталина, вели в 1937 году на расстрел, он крякнул на весь коридор Метехского замка: "Пусть Сталин не забывает, что за Дантоном последовала очередь Робеспьера!" Сталин делал в дальнейшем все, чтобы грузинский Дантон не оказался пророком. До войны с этой задачей он, не без учета урока Робеспьера, справился блестяще. Робеспьер посылал на эшафот лишь отдельные группы из Конвента, великодушно оберегая сам Конвент, но тогда Конвент послал его туда же. Сталин, как диктатор, поступил более разумно: разделавшись со своими ультрареволюционными гебертистами (троцкистами) и правооппортунистическими дантонистами (бухаринцами) при помощи большевистского Конвента, Сталин послал под конец на эшафот и этот слепо преданный ему Конвент — ЦК 1934 года. Сталин, если речь шла о его личной безопасности, не искал врагов — он уничтожал потенциальных врагов (группами, классами и даже целыми народами), считая, что уничтожить их, когда они станут действительными врагами, будет трудно, а может быть, и невозможно...

Разногласия между Политбюро и Сталиным

РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ПОЛИТБЮРО И СТАЛИНЫМ

Если выразиться образно, то в послевоенные годы Сталин правил страной, как рулевой в бурную погоду на океане, бездумно бросающий дырявую лодку навстречу грозным волнам. Пассажиры же ее - члены ЦК - то беспрерывно выкачивали воду со дна лодки, то отчаянно метались с одного борта на другой, чтобы сбалансировать ее движение, но неумолимый рулевой балансировал его тем, что бросал их за борт одного за другим. Сколько их было выброшено за последние три года по "ленинградскому делу", по "сионистскому делу", по "грузинскому делу", по начавшемуся "московскому делу", в которое, по замыслу Сталина, могли бы быть включены остальные уцелевшие пассажиры сталинской лодки?! Не важно, что сами пассажиры подсказывали рулевому, кого первыми вышвырнуть, важно другое: все они знали, что при этом рулевом та же участь рано или поздно постигнет каждого из них.

Сталин пришел к выводу, что в сложившихся условиях лучше всего уничтожить всех, и "старогвардейцев" и "младогвардейцев", по рецептам 20-х годов.

Берия и Маленков великолепно научились читать затаенные мысли Сталина и разгадали весь его стратегический план. А тогда произошло то, что Сталин считал абсолютно исключенным: по инициативе Берия и Маленкова члены Политбюро пришли к спасительному для них компромиссу и заключили оборонительный союз против замыслов Сталина. Результатом этого союза и было решение Политбюро созвать в августе 1952 г. пленум ЦК ВКП(б) и назначить на нем созыв съезда партии.

По формально действующему уставу партии съезды ее должны были созываться не реже одного раза в три года. Последний съезд был до войны — в марте 1939 года. Сталин, охотно соглашаясь на аккуратное проведение выборов в тогдашний советский лжепарламент, никак не соглашался на выборы нового ЦК на очередном съезде партии. Так было пропущено более четырех сроков созыва съезда, За это время началась и окончилась Великая Отечественная война, были приняты важнейшие международные и внутренние решения, находящиеся в компетенции только съезда партии, а Сталин и не думал его созывать. Более того, даже пленум того довоенного ЦК, члены которого в войну сыграли столь решающую роль в политической организации фронта и тыла страны,

не созывался уже более пяти лет (по уставу его надо созывать раз в три месяца).
Трудно найти другую причину несозыва съезда, кроме боязни Сталина, что "ученики" в рамках устава легально лишат его единоличной власти. Опасения его не были беспочвенными.
После "ленинградского дела" Сталин начинает терять контроль над аппаратом партии и полиции в той же мере, в какой растет там влияние Маленкова и Берия.
Сталин не хотел никакого съезда партии, пока не проведена намеченная вторая "великая чистка" — в этом сомневаться не приходится (XVIII съезд тоже был создан только после первой "великой чистки", в 1939 году).
Правда, объявление о созыве съезда и его повестке дня было опубликовано за подписью одного генерального секретаря ЦК Сталина. Но так делалось всегда. Самым поразительным был беспрецедентный факт: впервые за время сталинского правления политический отчет ЦК делал не Сталин, а Маленков. Это сразу вызвало недоумение: что произошло? Либо Сталин нездоров, либо он намеренно выдвинул главным политическим докладчиком ЦК избранного им "кронпринца". Только потом мы узнали, что оба предположения были ложными. Сталин был здоров, писал больше "дискуссионные" статьи, присутствовал на съезде и даже выступил в конце съезда с краткой речью (не по существу работы съезда, а с обращением к иностранным компартиям, что, как мы дальше увидим, тоже имело свое значение). И в "кронпринцы" Сталин никого не намечал, хорошо зная всю опасность такого предприятия.
Остаются два других предположения: либо Сталин отказался делать доклад на съезде, организованном и созванном вопреки его воле, либо Политбюро, не разделявшее теперь многие из практических предложений и мероприятий Сталина, решило поручить доклад Маленкову, открытие съезда - Молотову, закрытие - Ворошилову.
Хрущев, которого партийные интересы заставляли придерживаться определенной схемы, какую-то часть правды всегда обволакивал туманом лжи. Он хотел нас уверить, что и поручения Молотову и Ворошилову тоже исходили от Сталина. Но этим он опровергал самого себя.

В самом деле, по официальным выступлениям того же Хрущева на XX съезде мы знаем, что после XIX съезда, во время первого организационного пленума нового ЦК, Сталин обвинил Молотова в шпионаже в пользу Америки и Ворошилова в шпионаже в пользу Англии, а их жены-еврейки по тем же обвинениям уже сидели в подвалах Лубянки. Но из отчетов о XIX съезде мы знаем, что его торжественно открыл Молотов и торжественно закрыл Ворошилов. По партийной традиции, эти почетные обязанности раньше исполнял Ленин, а так как Сталин отказался их перенять, то был заведен новый порядок: открывали и закрывали съезды два разных лица из наиболее популярных старых членов Политбюро.

Спрашивается, как мог Сталин оказать такой почет тем, кого он в конце того же съезда собирался разоблачить как шпионов? Ясно, что они были выдвинуты не Сталиным, а Политбюро в результате вышеупомянутого "исторического компромисса", как ясно и то, что от расправы Сталина их спас аппарат во главе с Маленковым — Берия.

Тот, кто думает, что Сталину было все подвластно, что стоило ему только "пошевелить мизинцем" — и все его враги взлетят на воздух, забывает, что власть Сталина основывалась на абсолютном повиновении непосредственных управляющих машиной властвования. Они-то теперь и вышли из повиновения. Что же мог делать Сталин один, без них? Выйти на Красную площадь и призвать народ к бунту?

До разбора работы XIX съезда и анализа итогов его пленума ЦК надо бросить беглый взгляд на недавнее прошлое.

Наивно думать, что политическое развитие в руководстве партии и государства определялось лишь взаимными интригами сталинцев, или объявлять кажущийся бессмысленным жестокий террор Сталина результатом паранойи. И интриганы и Сталин боролись не только за власть, но и за определенный курс внутренней и внешней политики Кремля. Сталин никого не убивал из любви к убийству. Не был он и садистом и еще меньше — параноиком. Такие оценки его действий вытекают из неправильной "антропологической" предпосылки: Сталина рассматривают как человека со всеми человеческими атрибутами, а поэтому все его нечеловеческие поступки сводят к душевной болезни. Между тем все поступки,

действия, преступления Сталина целеустремленны, логичны и строго принципиальны. У него нет зигзагов душевнобольного человека: помрачение ума, а потом просветление, восторг сейчас, меланхолия через час, злодеяние сегодня и раскаяние завтра, как бывало с действительно больным Иваном Грозным. Сталин был политик, действующий уголовными методами для достижения цели. Более того, он представлял собою уникальный гибрид политической науки и уголовного искусства, превосходя этим всех других политиков. Сталин был принципиально постоянным в своих злодеяниях — в восемнадцать лет он выдал свой марксистский кружок в Тифлисской духовной семинарии жандармам (оправдывая себя тем что так он сделал кружковцев революционерами); в двадцать восемь лет он руководил убийством людей на Эриванской площади в Тифлисе во время вооруженного ограбления казначейства; в тридцать восемь лет он лично командовал в Царицыне массовыми расстрелами пленных "белогвардейцев"; в сорок восемь лет начал подготовку к истреблению крестьянства; ему было пятьдесят восемь лет, когда по его приказу в 1937 - 1938 годах чекисты умертвили миллионы невинных людей; ему было уже семьдесят лет, когда он без суда расстрелял дюжину членов ЦК, своих ближайших помощников. Теперь он решил взяться за остальных.

Сумасбродные действия, как говорит Хрущев? Ничуть не бывало. Целеустремленные и целеоправданные действия с гениальным чутьем предвидения. Если бы Сталину удалось уничтожить Политбюро 1952 года, он, вероятно, жил бы подольше, а антисталинского XX съезда партии в истории вовсе не было бы.

К XIX съезду партии Сталин оказался в полной изоляции от остальных членов Политбюро по важнейшим вопросам международной и внутренней политики. Достаточно беглого анализа спорных вопросов, чтобы видеть глубину разногласий.

Так, Сталин просто проспал радикальную революцию в мировой политике и дипломатии в результате появления термоядерного оружия. Трубадуры сталинизма не раз писали, что когда президент Трумэн на Потсдамской конференции сообщил Сталину эпохальную новость о том, что американцы изобрели беспримерное оружие — атомную

бомбу, то Сталин перевел разговор на тему о погоде. Трагизм положения в том и заключался что на Сталина эта бомба действительно не произвела должного впечатления.

Позднее, назначив Берия председателем советской атомной комиссии, Сталин, однако не стал вести миролюбивую политику хотя бы до тех пор, пока будет готова советская бомба. Наоборот, он искусственно, порою вызывающе, провоцировал крупные международные кризисы один за другим: форсированная большевизация восточноевропейских государств в нарушение всех союзнических договоров, попытка аннексии иранского Азербайджана, предъявление Турции требования о военных базах в районе проливов, организация движения советских армян и грузин за возвращение Турцией армянских и грузинских земель, организация гражданской войны в Греции, требование о передаче Ливии Италией Советскому Союзу, берлинская блокада, корейская война - все это Сталин делал, когда у него еще не было серийного производства атомных бомб.

Можно себе представить, на каком языке Сталин собирался разговаривать с миром после того, как это производство у него появилось бы.

Коренное разногласие между Сталиным и Политбюро возникло именно по вопросу о политике мира. Политбюро стояло на той же точке зрения, что и Запад: в эпоху термоядерного оружия результатом войны будет лишь самоубийство человечества. Поэтому Политбюро пересмотрело основное положение Ленина, гласившее: в эпоху империализма мировые войны абсолютно в ойн. В Политбюро думали, что поскольку в атомную эпоху войны могут быть только атомными, а следовательно, и не приводящими к революции, то от этого учения Ленина и основанной на нем международной политики надо отказаться.

Политбюро приводило и другие аргументы: образовавшаяся после второй мировой войны мировая социалистическая система и движение широких масс за мир во всем мире способны предупредить новые войны. Это самое важное разногласие между Сталиным и Политбюро доказывается анализом партийных документов. В этой связи придется остановиться на полемической работе, выпущенной Сталиным и приуроченной им к XIX съезду партии:

"Экономические проблемы социализма в СССР" (сентябрь 1552).
Никакая другая работа Сталина после войны так много не цитировалась советологами, как "Экономические проблемы социализма в СССР", но только одна она так и осталась непонятой на Западе. Это вполне естественно. Западные исследователи читали только текст, но не читали и не поняли подтекста, поскольку не знали причин, вызвавших к жизни "Экономические проблемы...". Сталин здесь вовсе не занимался теорией, вовсе не был занят открытиями новых абстрактных законов марксизма в политэкономии. Он спорил с другими ведущими руководителями ЦК по важнейшим вопросам дальнейшего развития внутренней и внешней политики СССР. Что Сталин спорит с ними, знали только эти руководители ЦК, но ни советский народ, ни партия, ни тем более западные исследователи этого не знали и знать не могли.
Это непонимание усугублялось еще и тем, что как раз те, против кого выступал Сталин, первыми объявили (на словах) "Экономические проблемы..." "гениальным вкладом" Сталина в марксизм, чтобы на деле саботировать вытекающие из них практические выводы.
Обо всем этом мы узнали только после смерти Сталина. Сравнение требований Сталина в "Экономических проблемах..." и практической политики ЦК после его смерти дает нам ключ, которым мы легко открываем все тайники спорных вопросов.
Разберем сначала установки партийных документов. Вот что записало сталинское Политбюро на XX съезде; "Миллионы людей во всем мире спрашивают: неизбежна ли новая война, неужели человечеству, пережившему две кровопролитные мировые войны, предстоит пережить еще и третью? Имеется марксистско-ленинское положение, что, пока существует империализм, войны неизбежны... Но в настоящее время положение коренным образом изменилось. Фатальной неизбежности войны нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами, чтобы не допустить развязывания войны империалистами" ("XX съезд КПСС. Стенографический отчет". 1956, т. 1, стр. 37 – 38).
А вот как возражал Сталин: "Говорят, что тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны,

нужно считать устаревшим, поскольку выросли в настоящее время мощные народные силы, выступающие в защиту мира, против новой мировой войны. Это неверно... Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм" (И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. М. 1952, стр. 36). Анонимами, с которыми Сталин спорил на XIX съезде ("говорят"), как раз и были члены его Политбюро (это они так единодушно и доказали на следующем, XX съезде партии). "Мирное сосуществование" — это кодовое определение для ленинской стратегии: разгромить капитализм не военной силой Советской России, что вообще невозможно, а взорвать его изнутри инфильтрацией идей, людей и организацией перманентных революционных диверсий. Поэтому-то в "Программе КПСС" (1961) и записано, что мирное сосуществование "является специфической формой классовой борьбы". Надо отдать должное наследникам Сталина, что в этом споре, изменяя букве ленинизма, они остались верными его духу, чего нельзя было сказать о самом Сталине.

Хотя Ленин писал о неизбежности войн в эпоху империализма, который представлялся ему последней стадией загнивающего, умирающего капитализма, в нем все-таки хорошо было развито чувство реальности. Поэтому Ленин делал оговорку, которая сводила на нет только что им выставленный тезис, а именно: капитализм в эпоху империализма развивается быстрее, чем до нее.

Сталин считает, что после второй мировой войны это утверждение недействительно. Он пишет: "Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года, о том, что, несмотря на загнивание капитализма, "в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде", все еще остается в силе? Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со второй мировой войной, (этот. — А. А.) тезис нужно считать утратившим силу" (там же, стр. 32).

Выходило, что западная экономика и техника не способны дальше развиваться, капитализм теперь уж окончательно загнил. Отсюда логический вывод: пришло время справлять отходную по мировому капитализму. Разумеется, реалисты из Политбюро считали это опаснейшей иллюзией.

В той же работе Сталин спорил с Политбюро не только по внешнеполитическим, но и по внутриэкономическим вопросам. Он пишет: "...цель капиталистического производства - извлечение прибылей... Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями" (там же, стр. 77).
В результате такой "заботы" Сталина о человеке более 50 процентов советских предприятий работало нерентабельно. Хрущев старался выйти из этого положения чистейшим волюнтаризмом и сорвался. Более прагматичные Косыгин и Брежнев прямо записали в решении сентябрьского пленума ЦК (1965): "...улучшить использование таких важнейших экономических рычагов, как прибыль, цена, премия, кредит" ("КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК", М. 1972, т. 8, стр. 519).
Большинство в Политбюро полагало, что всю технику машинно-тракторных станций (МТС) надо передать колхозам, а Сталин писал: "...предлагая продажу МТС в собственность колхозам... пытаются повернуть назад колесо истории... (это — А. А.) привело бы не к приближению к коммунизму, а наоборот, к удалению от него" ("Экономические проблемы...", стр. 91).
Послесталинское руководство ликвидировало МТС и передало их технику колхозам.
Сталин писал: "Какие мероприятия необходимы для того, чтобы поднять колхозную собственность, которая является, конечно, не общенародной собственностью, до уровня общенародной ("национальной") собственности? Некоторые товарищи думают, что необходимо просто национализировать колхозную собственность, объявив ее общенародной собственностью... Это предложение совершенно неправильно и безусловно неприемлемо" (там же, стр. 87).
Ровно через год после того, как Сталин это написал, и через шесть месяцев после его смерти состоялся сентябрьский пленум ЦК (1953), заложивший основу национализации колхозов, а руководство Брежнева форсировало эту национализацию, превратив значительную часть колхозов в совхозы, которые и считаются "общенародной" собственностью. Да и сохранившиеся колхозы де-факто были превращены в государственную собственность решением мартовского пленума ЦК

и особенно не опубликованным майским решением ЦК (1965).
Мы остановились лишь на некоторых из тех спорных вопросов между Сталиным и Политбюро, которые легко прослеживаются по партийным документам. Однако были и разногласия, только глухо выходившие наружу.
Во внутренней политике таким было требование Сталина о новой "великой чистке" в партии, армии и государственном аппарате и продолжение, по примеру Грузии, массовой чистки от "буржуазных националистов" во всех союзных и автономных республиках. После Грузии была очередь Украины. (В начале июня 1952 года на пленуме ЦК Украины главным вопросом обсуждения и был украинский "буржуазный национализм".)
Главные же разногласия между Сталиным и Политбюро в международной политике касались новой доктрины, впервые официально сформулированной на будущем, XX съезде, — об упомянутом "мирном сосуществовании" в духе Ленина. Ученики и соратники Сталина считали, что "мирное сосуществование" социализма и капитализма есть по Ленину, "генеральная линия" советской внешней политики. Сталин отвечал, что лозунг "сосуществования", собственно, выдумали идеологи американского империализма для маскировки подготовки третьей мировой войны против социалистического лагеря.
Сталин на самом деле, в полном согласии с Лениным, думал, что "генеральная линия" советской внешней политики - это курс на мировую пролетарскую революцию, а что касается "сосуществования", то Ленин даже не знал этого слова.
Очень отрицательную, даже вредную для СССР роль сыграла и другая установка Сталина: он ошибочно считал, что после второй мировой войны фактически никакого освобождения колониальных народов не произошло, сменилась только форма колониализма и все эти Неру и Сукарно - наемные сатрапы западных империй. Соратники и ученики Сталина полагали, что такая установка мешает Советскому Союзу войти в тыл освобождающихся колоний, привлечь их в русло советского влияния и противопоставить их бывшим метрополиям. Ученики Сталина, действуя в духе Сталина его лучших былых времен, считали нужным и возможным материально участвовать и в создании в бывших

колониях особых форм правления и социального общежития нового типа.

Теперь вернемся к XIX съезду и рассмотрим некоторые сухие факты, чаще протокольные, но иногда касающиеся и существа дела.
Один такой важнейший факт мы уже отметили - открытие съезда одним "шпионом" (Молотовым) и закрытие его другим "шпионом" (Ворошиловым).
Второй сюрприз: в нарушение всей сталинской традиции в президиум съезда не избрали трех членов Политбюро — Микояна (два сына, генералы, сидят в тюрьме), Андреева (жена-еврейка — в тюрьме) и Косыгина (был замешан в деле ждановцев).
И еще один сюрприз: в перечислении рантового места членов Политбюро Берия, который до "мингрельского дела" твердо занимал третье место, после Молотова и Маленкова, очутился теперь на пятом месте (даже после Булганина). Так сообщает протокол утреннего заседания съезда от 5 октября. Чтобы партия не приняла это за недоразумение, хроника съезда вновь повторяет ту же "иерархию культов".
Но Берия взял реванш. Он выступил на съезде с самой большой речью. И она была не только большая, а острая по стилю, высококвалифицированная политически и убедительная для слуха и ума партийных ортодоксов. Она была и единственной речью, на которой лежал отпечаток личности оратора.
Конечно, речь Берия, как и других ораторов, — это панегирик Сталину. Но его панегирик целевой: апеллируя к величию Сталина, изливаясь в верноподданнических чувствах, Берия тонко протаскивает, по существу, антисталинскую ересь — ставит партию впереди Сталина: "Вдохновителем и организатором великой победы советского народа (в войне - А. А.) была Коммунистическая партия, руководимая товарищем Сталиным" ("Правда", 9.10.52). До сих пор во всех газетах, журналах и книгах можно было прочесть, что "вдохновителем и организатором" был сам Сталин, а потом, где-то на задворках что-то делала и партия. Берия дал понять, что не оговорился, он кончил речь опять ссылкой на партию: "Народы нашей страны могут быть уверены в том, что Коммунистическая партия,

вооруженная теорией марксизма-ленинизма" - и затем "под руководством товарища Сталина".
Другая ересь была вызывающей. Берия не ко времени, а потому и очень смело напомнил партии приоритеты ее национальной политики: есть разные опасности отклонения от национальной политики партии, и они следуют в таком порядке на первом месте стоит опасность "великодержавного шовинизма" (значит, русского шовинизма), на втором месте опасность "буржуазного национализма" (значит, опасность местного национализма) и на третьем месте опасность "буржуазного космополитизма" (значит, "сионизм" и прочие "измы").
Можно смело предположить, что, кроме Сталина и членов Политбюро, никто на съезде не знал, что здесь Берия прямо спорит со Сталиным, считавшим буржуазный национализм, сионизм и космополитизм главной опасностью для СССР, а русского великодержавного шовинизма не признававшим вообще.
Интересна и другая деталь: больше половины речи Берия посвятил национальной политике и национальным республикам СССР, но ни словом не обмолвился о Грузии и грузинских "буржуазных националистах", а ведь для его земляков, мингрельцев, не хватало мест в тюрьмах Тбилиси, Сухуми и Батуми... Защищать их Берия не мог, но он и не осудил их, как того требовала нынешняя кампания Сталина против "буржуазного национализма".

Историческое поражение Сталина

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА

Понять Сталина можно, только постаравшись проникнуть в его политико-психологический мир и его глазами глядя

на положение и перспективы развития СССР. Тогда мы увидим в действиях советского диктатора не манию преследования, не причуды и капризы старика, а железную логику основателя данной системы, его обоснованный страх за ее интегральность, его глубочайшую озабоченность беспечностью его учеников и соратников, его мрачные думы о завтрашнем дне. На XX съезде цитировались слова Сталина, обращенные к его ученикам и полные тревоги за будущее СССР: "Вы слепы, как новорожденные котята; что будет без меня?" Сталин был идеален для господства над закрытым обществом - закрытым внутри, закрытым вовне. Жизнеспособность и долголетие такого общества зависели от систематической регенерации ячеек власти сверху донизу - от постоянного вычищения отработанных кадров, от постоянного возобновления армии бюрократов. Порядок Сталина не допускал ни свободной игры сил на верхах, ни гражданской инициативы в обществе, даже самой верноподданнической.

"Генеральная линия партии" была сильна своей ясностью, неуязвимостью, повелительностью. В ее лексиконе не было слова "думать", а было всем понятное и принятое слово "действовать"!"Думать" — это прерогатива одного Сталина, "действовать" — это задача всей партии. Поэтому и "порядок" был идеальным, и управлять было легко. Война внесла в "генеральную линию" дисгармонию. Люди, прошедшие через войну, от Волги к Эльбе, стали другими.

В глубине души Сталин был согласен с западными остряками: "Сталин в войну сделал только две ошибки: показал Ивану Европу и Европе Ивана". Советские люди притащили домой бациллы свободы и социальной справедливости: "в Германии скот живет лучше, чем у нас люди", "у американского солдата шоколада больше, чем у нашего картошки", "на Западе президенты и министры обыкновенные грешники, а у нас боги-недотроги". Надо вернуть этот расфилософствовавшийся, "больной народ" в первобытное довоенное состояние: нужен антибиотик, нужно и новое, полезное кровопускание. Чем раньше это сделать, тем быстрее он выздоровеет.

Этого никак не хотят понять верхи партии. Они даже не прочь начать диалог с Западом ("сосуществование"!),

не прочь искать его помощи в решении внутриэкономических (колебания — принять или не принять "план Маршалла") и внешнеторговых проблем СССР (предложения о хозяйственно-технической кооперации), а для этого готовы посягнуть на святая святых - монополию внешней торговли — и немножко приоткрыть железный занавес для циркуляции бизнеса. Но это ведь начало конца "генеральной линии". По каналам бизнеса двинутся в СССР тысячи, миллионы новых бацилл Запада. Железный занавес станет дырявым, и начнется другой диалог: диалог между народом и правительством, поощряемый и подстрекаемый Западом. Случится небывалое и непоправимое: народ начнет интересоваться своим прошлым и философствовать о будущем. Появятся новые Радищевы, Белинские, Герцены. Русь духовно придет в движение, а за нею и антирусские окраины, за ними и страны-сателлиты. Вот какая перспектива рисовалась Сталину, если не вернуться к старой, испытанной "генеральной линии".

Прогноз был правильный, но предупредить такое развитие дел Сталин мог бы в возрасте сорока — пятидесяти лет, а ему было уже за семьдесят; другого Сталина в Политбюро не было, да такие и рождаются раз в сотни лет. Старость Сталина совпала с дряхлостью режима. Этому режиму можно было продлить жизнь не хирургией (он не выдержал бы никакой серьезной операции), а терапией. На языке политики это означало медленный "спуск на тормозах" в поисках "сосуществования" как со своим народом, так и с внешним миром. Сталин был полон решимости ни в коем случае не допустить этого, ошибочно полагая, что его ученики не способны пойти против его воли. Но первый организационный пленум ЦК, избранный на XIX съезде, доказал обратное.

По неписанной партийной традиции организационный пленум нового ЦК происходит еще во время работы съезда и результаты (выборы Политбюро, Секретариата и генсека) докладываются последнему заседанию съезда. Этот закон впервые был нарушен. Пленум нового ЦК происходит через два дня после закрытия XIX съезда, а именно — 16 октября 1952 года. При внимательном наблюдении можно было заметить, что этот необычный прецедент был связан с трудностями создания исполнительных органов ЦК. Впоследствии стало известно, что Сталин, демонстративно игнорировавший

рабочие заседания XIX съезда (из восемнадцати заседаний он посетил только два - первое и последнее, оставаясь на них по несколько минут), был исключительно активен на пленуме ЦК. Сталин разработал новую схему организации ЦК и его исполнительных органов. Он предложил XIX съезду вдвое увеличить членский и кандидатский состав ЦК: было избрано 125 членов и 111 кандидатов в члены ЦК. Теперь пленуму ЦК он предложил, как бы соблюдая симметрию, избрать в членский состав Президиума (Политбюро) 25 человек, а в кандидатский состав — 11. Но дело было не в процентной норме и не в желании симметрии — Сталин смешивал своих "нечестивых" адептов из старого Политбюро со рвущимися наверх "целинниками" из областных вотчин партии. На расстоянии загипнотизированные "гением отца" и святостью его воли, партийные "целинники" должны были явиться орудием уничтожения "нечестивых". Знали ли они о предназначенной им роли — значения не имеет. Важно другое — старые члены Политбюро звали, что такова цель Сталина. Тогда же приняли они и меры, чтобы сорвать этот план. Какие меры, мы увидим дальше, здесь лишь приведем заявление, которое ЦК устами Хрущева сделал XX съезду: "Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро. Он часто говорил, что члены Политбюро должны быть заменены новыми людьми".

А вот зачем нужно было расширить состав Президиума (Политбюро): "Его предложение после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина. Можно предположить, что это было также намерением в будущем ликвидировать старых членов Политбюро..." (Н. С. Хрущев, "Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС", стр. 58).

Это сообщение имеет решающее значение для раскрытия внутренних мотивов поведения старых членов Политбюро как компактной группы внутри нового Президиума, когда каждый из них убедился вслед за Берия и Маленковым, что Сталин переносит дебаты в другую плоскость — быть или не быть. Если быть Сталину, тогда не быть им, не только политически, но и физически. Неумолимая логика Сталина в таких ситуациях не звала полумер.

Как остановить Сталина? Этот вопрос старые члены Политбюро пока еще не ставят, Но Сталин настойчиво толкает их к этому своими действиями.
В прежнем Политбюро, кроме Сталина, было 10 членов. Во время выборов нового Президиума ЦК Сталин дал отвод 6 членам из 10. Причем дал отвод даже и тем, кто скорее был готов добровольно подставить свои затылки под пули чекистов, чем поднять руку на Сталина, — Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Андрееву. О поведении двух других, тоже отведенных Сталиным, — Микояна в Косыгина, — конечно, нельзя говорить столь же уверенно.
Чем же Сталин мотивировал свой отвод столь преданным и заслуженным соратникам?
Пройдет время, и историки, получив доступ к архивам ЦК той эпохи, ответят на этот вопрос. Всегда словоохотливый Хрущев, к сожалению, мотивы Сталина обошел молчанием. Он ограничился следующим сообщением: "Вследствие необычайной подозрительности Сталина у него даже появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским агентом... В доме Ворошилова была даже сделана специальная установка, позволяющая подслушивать, что там говорилось. Своим единоличным решением Сталин отстранил от работы в Политбюро еще одного человека - Андрея Андреевича Андреева. Это было одним из самых необузданных проявлений произвола. Вспомним о первом пленуме ЦК после XIX съезда партии, когда в своем выступлении Сталин, охарактеризовав Вячеслава Михайловича Молотова и Анастаса Ивановича Микояна, высказал мысль, что эти два старых работника нашей партии повинны в каких-то совершенно не доказанных проступках. Не исключена возможность, что если бы Сталин оставался у руля еще несколько месяцев, товарищи Молотов и Микоян, вероятно, не могли бы выступить с речами на сегодняшнем съезде" (там же, стр. 54).
После только что проведенного процесса "сионистских шпионов" Америки во главе с Лозовским и Молотовой Сталину всюду мерещились сионистские заговорщики. Таким заговорщиком в его глазах был каждый еврей, независимо от того, коммунист он или нет, более того - им был и каждый русский коммунистический лидер, если он женат на еврейке. Свои "генеалогические таблицы" Сталин расширял до вторых и третьих колен в родословии

коммунистов, выискивая у них еврейских бабушек, дедушек или внуков. Так, у Хрущева нашли внучку от еврейской матери, у Берия — мать, якобы грузинскую еврейку, у Маленкова дочь замужем за евреем.
Когда Сталин, напоминая пленуму ЦК "ленинградское дело", "сионистское дело", "грузинское дело", стал разбирать членов Политбюро по косточкам, копаясь в их исторических, политических и генеалогических грехах, то выяснилось: из 11 членов Политбюро 5 оказались еврейскими родственниками (Молотов, Маленков, Ворошилов, Хрущев, Андреев), один — евреем (Каганович), один — "полуевреем" (Берия), два - причастными к "ленинградской мафии" (Косыгин и Микоян; сын последнего был женат на дочери Кузнецова), только один человек оказался чистым — безвредный и бесцветный Булганин.
Во время атак Сталина против его соратников еще никто из них не знал, какой новый подвох готовится тому, о ком, кажется, он ничего не сказал на пленуме: Берия.
На XIX съезде Берия реабилитировал себя за "грузинское дело", но только перед съездом, что отнюдь не означало — перед Сталиным.
В Праге и Варшаве готовились два политических процесса над коммунистическими лидерами этих стран, которых спас лично Берия во время конфликта с Тито, а также процесс литовцев в Болгарии и Венгрии, тоже до сих пор пользовавшихся поддержкой Берия. Эти спасенные Берия лидеры теперь оказались "сионистами": генеральный секретарь ЦК компартии Чехословакии Сланский (еврей) и генеральный секретарь ЦК компартии Польши Гомулка (женат на еврейке). Таким образом, круг большого международного заговора сионистов Америки, СССР и Восточной Европы против коммунизма замыкался (тут Сталин действовал точь-в-точь по рецепту Гитлера, только и говорившего о "заговоре мирового еврейства").

Абсурдность концепции "еврейского заговора" и копания в генеалогии ярко выявляется в том, что у самого Сталина были еврейские родственники (внук, названный в его честь Иосифом).
Автор биографии Л. П. Берия посвятил этому подвоху Сталина против Берия следующие многозначительные строки: "Первой мишенью атаки против позиций Берия явилась Чехословакия. Все ключевые позиции власти

Берия предоставил там своим союзникам". После убийства Масарика и смерти Бенеша Берия управлял этой высокоиндустриальной и цивилизованной страной через своих ставленников в чешской тайной полиции так, как это находил нужным в своих собственных интересах. Как только Игнатьев стал во главе госбезопасности, он ударил по бастиону Берия в Чехословакии. Вдруг прокатилась волна арестов, которая охватила чиновников советского аппарата в Праге, а также высокопоставленных чиновников тайной полиции Чехословакии, работавших под руководством Берия. Главными жертвами чистки оказались ставленники Берия. Чиновники были арестованы по обвинению в шпионаже, саботаже, диверсии и государственной измене, но так как они были людьми Берия, то обвинение против них косвенно наносило удары и Берия. Однако одна поразительная черта характеризует всю эту акцию. Почти все арестованные высокие чины по главе с их лидером Рудольфом Сланским (настоящая фамилия которого - Зальцман) - Бедржих Геминдер, Рудольф Марголюс, Андре Симон, Артур Лондон и девять других протеже Берия - были евреями. Арестованных обвиняли также, что они "сионисты"... Новая чистка имела типично антисемитский привкус и была очевидно инсценирована Сталиным" (Th. Wittlin. Comissar. Macmillan Co. London. 1972, pp. 366 — 367).

Подозрения Сталина против Берия в "варшавском деле были еще серьезнее. Сведения о том, какую роль Сталин хотел приписать Берия, если удастся "варшавское дело", исходят от самого Гомулки (Гомулка продиктовал одному своему близкому сотруднику документы типа "Khrushchev. Remembers" — "Мои 14 лет". "Мои 14 лет" опубликованы в журнале "Kurier Polsko-Kanadyiski", 1973, No 47, стоящем близко к польскому посольству в Канаде).

С первых же дней после войны Польшей правили три человека - Берут, председатель ЦК Польской коммунистической партии (Гомулка называет его питомцем НКВД), член Политбюро и глава органов госбезопасности Якуб Берман (такой же "питомец НКВД") и первый секретарь ЦК Гомулка, во время войны возглавлявший борьбу польских коммунистов в тылу Польши против немцев. Первые два были личными ставленниками Берия, но Сталин, видимо, решил дискредитировать Берута

и Берия арестом и показаниями против них со стороны Бермана и Гомулки.
Какие же показания хотел иметь Сталин? Он хотел узнать только одно: Берия замышлял заговор против Сталина и втянул в это дело своих польских ставленников. Послушаем самого Гомулку: "Берут очень опасался Бермана, полагая, что тот во время следствия или процесса может сказать о нем что-нибудь весьма компрометирующее. Так, будто бы Берия в свое время замышлял заговор против Сталина, и якобы Берут был втянут в это дело. Я не совсем уверен в этом, но мне это дело именно так излагали. Как бы там ни было, Берут очень оберегал Бермана, а одновременно и меня, ибо я должен был первым предстать перед судом. Так был составлен сценарий... Берут затягивал дело как только мог, прибегая даже к отправке в Москву ложных сведений. Например, он уверял, что я смертельно болен... Берут тянул так долго, как только мог, и в конце концов спасла положение смерть Сталина" (там же).
Все это — и чешские допросы и варшавские "сценарии" — поступало к Берия, ибо допрашивали арестованных ставленников Берия другие его ставленники. Тут Сталин против своей воли попал в заколдованный круг. А что знал Берия, знал и Маленков, прочнейшим образом связавший с ним свою судьбу. Сталин не без тревоги наблюдал за их столь тесным сближением.
Хрущев и Аллилуева — единодушны в подчеркивании спайки между Берия и Маленковым. Когда они демонстративно уединялись на каком-нибудь очередном банкете от остальных членов Политбюро, Сталин кивал в их сторону и говорил, согласно Хрущеву: два плута, два неразлучных мошенника!
Каждый из них знал, что если Сталин убьет одного, то обязательно убьет и другого. И спайка их была лучшим способом застраховать свою жизнь от Сталина. Эта спайка спасла жизнь и старым членам Политбюро. В этом они и убедились на последнем сталинском пленуме.
Тут мы подошли к самой загадочной проблеме: Сталин дал отвод, по крайней мере, шести членам старого Политбюро, так почему же важнейшие из них (Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович) были все-таки избраны в члены нового Политбюро (Президиума)? Сталин дал им отвод перед пленумом ЦК, состоявшим из 236 членов

и кандидатов. Из них только 20 - 25 человек знали Сталина по-настоящему, а для остальных он был непогрешимым богом. Почему же эти остальные не согласились с отводом Сталина?
Установленная процедура выборов была такова: состав ЦК избирается по бюллетеням тайного голосования, их проверяет избранная съездом счетная комиссия, протоколирует их и результаты докладывает съезду, бюллетени не уничтожают, а передают на хранение вместе с протоколами съезда в секретный архив ЦК. Исполнительные органы ЦК: Политбюро, Секретариат, генеральный секретарь и председатель Комитета партийного контроля при ЦК, — избираются открытым голосованием, если нет требования пленума провести эти выборы тайным голосованием.
Вот во время этого открытого или тайного голосования пленум ЦК дезавуирует Сталина и демонстративно выбирает отведенных им людей в состав Президиума (Политбюро).
Что Сталин их отводил, известно из доклада ЦК на XX съезде, но что они все-таки были избраны, мы узнали из официального сообщения о пленуме ЦК ("Правда", 17.10.52). Это было первое историческое поражение Сталина в его партии. Как это могло случиться? Как Сталин реагировал?
Сталин не сдался. Он решил, выражаясь по-шахматному, ходом коня сразу убрать с доски "старую гвардию" и таким образом выправить свое положение. Он обратился к Президиуму: поскольку Президиум ЦК очень громоздок (25 членов и 11 кандидатов), надо выбрать из его среды маленький орган для оперативной работы преимущественно из молодых, энергичных членов Президиума. Таким органом должно было быть Бюро Президиума, вообще уставом не предусмотренное.
Цель Сталина ясна — обойти Ворошилова, Молотова, Кагановича и Микояна. Но это ему удается только частично: избирается Бюро из 9 человек, в котором старые члены Политбюро составляют большинство: Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович против двух "молодых" — Первухина и Сабурова - и самого Сталина (см.: Khrushchev. Remembers, vol. I, p. 299). Молотов и Микоян остались вне Бюро. Бюро и в этом составе, по Хрущеву, фактически не функционировало, а все дела решала пятерка: Сталин,

Маленков, Берия, Хрущев, Булганин. Таким образом, Сталин все-таки исключил Ворошилова и Кагановича.
Как же могло случиться, что Сталину не удалось легально избавиться от нежелательных лиц? Как мог пленум ЦК не пойти за своим "отцом и учителем"? Неужели члены пленума ЦК не знали, что Сталин физически уничтожил 70 процентов состава пленума ЦК 1934 года за сопротивление предложению судить Бухарина и Рыкова? Это они, конечно, знали. Но они знали и более важную вещь: ко времени съезда власть была уже не у Сталина, а у аппарата во главе с Маленковым и Берия. Теперь не Сталин контролировал аппарат, а аппарат контролировал его самого. Сталин был бог, пока партийно-полицейский аппарат был в его руках, а теперь члены ЦК видели, "то бог де-факто низвергнут.
Исчерпав все другие средства, Сталин наконец решил пойти ва-банк. Произошло событие, точно зафиксированное в доступных нам документах, но остававшееся совершенно незамеченным в литературе о Сталине. Сталин подал тому же пленуму ЦК заявление об освобождении его от должности генерального секретаря ЦК, во-первых, будучи убежден, что оно не будет принято, а во-вторых, чтобы проверить отношение к этому своих ближайших соратников и учеников.
Но произошло невероятное: пленум принял отставку Сталина!
Это было второе историческое поражение Сталина.
О том, что Сталин подал такое заявление, мы знаем из двух друг от друга не зависимых источников: от Светланы Аллилуевой и от бывшего военно-морского министра СССР адмирала Н. Г. Кузнецова.
В книге "Двадцать писем к другу" Аллилуева пишет: "Наверное, в связи с болезнью он (Сталин. — А. А.) дважды после XIX съезда (октябрь 1952 г.) заявлял в ЦК о своем желании уйти в отставку. Этот факт хорошо известен составу ЦК, избранному на XIX съезде" (стр. 191).
Во второй своей книге "Только один год" она пишет на ту же тему: "По словам его бывшего переводчика В. Н. Павловн, избранного на XIX съезде в ЦК, отец в конце 1952 года дважды просил новый состав ЦК об отставке. Все хором ответили, что это невозможно... Ждал ли он иных ответов от этого стройного хора? Или подозревал

кого-нибудь, кто выразит согласие его заместить?... Да и хотел ли он в самом деле отставку?" (стр. 340).
Мы дальше увидим, что Аллилуева ошибается, думая, что его отставка не была принята.
Об этом заявлении Сталина пишет и адмирал Кузнецов, добавляя, что ЦК принял его отставку только частично, но явно путая, в чем выразилось это "частично". Вот его слова:

"Официальную просьбу о частичном его (Сталина — А. А.) освобождении я услышал позднее, на Пленуме ЦК КПСС, после XIX съезда партии. Тогда Сталин был освобожден от поста Министра обороны, но главные должности в ЦК партии и Совете Министров все же решил оставить за собой" (см.: "Нева", 1965, 5, стр. 161).
В одном Кузнецов ошибается, и даже грубо, ибо известно, что Сталин ушел с поста министра Вооруженных сил СССР еще в 1947 году, передав этот пост Булганину.
Как же было с отставкой? Мимо цензуры проскочило два документа, из которых явствует, что "частичное освобождение" Сталина выразилось в принятии его отставки с поста генсека с сохранением за ним должности одного из секретарей ЦК и председателя Совета министров.
Еще при первом послесталинском "коллективном руководстве" вышел Энциклопедический словарь, где в биографии Сталина прямо и недвусмысленно написано следующее: "После XI съезда партии, 3 апреля 1922 пленум Центрального Комитета партии по предложению В. И. Ленина избрал И. В. Сталина генеральным секретарем ЦК партии. На этом посту И. В. Сталин работал до о к т я б р я 1 9 5 2, а затем до конца своей жизни являлся с е к р е т а р е м Ц К" (разрядка моя. — А. А.) (Энциклопедический словарь в 3 томах. М. 1955, т. III, стр. 310).
То же повторено в справочном аппарате Полного собрания сочинений Ленина, вышедшем при втором, брежневском "коллективном руководстве". Там сказано: "Сталин... С 1922 по 1952 год - генеральный секретарь ЦК партии, затем секретарь ЦК КПСС" (Ленин В. И. Полное собрание сочинении, т. 44, стр. 651).
Никакой случайной обмолвки тут нет. Эти документы не оставляют сомнения, что Сталин после октябрьского

пленума ЦК 1952 года перестал быть генеральным секретарем, а был лишь одним из десяти его секретарей. Кто же занял его место? Об этом нет никаких указаний ни в мемуарах современников, ни в официальных документах партии, однако секрета никакого не было — место Сталина в Секретариате ЦК занял, конечно, Маленков. Только теперь он назывался не генеральный секретарь, а первый секретарь ЦК. Власть Сталина перешла к его ученикам теперь юридически.
Конечно, Сталин остался лидером партии, при перечислении членов Президиума и Секретариата ЦК его имя названо первым, вне алфавита. Но теперь он такой первый, который всецело зависит от вторых. Сталин не был бы самим собою, если примирился бы с этим. Следующий кризис он спровоцирует, стараясь вернуть себе прежнюю неограниченную власть.

Последние дни Сталина

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАЛИНА

В роковой для себя день, 13 января 1953 года Сталин опубликовал "Хронику ТАСС" — о раскрытии органами государственной безопасности "террористической группы врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза". Эта публикация как раз и сократила жизнь самому Сталину.
Чтобы понять, как и почему это случилось, мы должны спросить себя: зачем Сталину нужно было "дело врачей"? На это с предельной ясностью и не свойственной ему оплошностью ответил сам Сталин в опубликованной того же 13-го числа статье "Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей". Статья не подписана, но по

специфическим особенностям языка и стиля, по манере аргументации ясно, что автор ее сам Сталин.
В "Хронике..." говорится, что "врачи-вредители" работали по заданию двух иностранных разведок: американской (профессора-врачи Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г. и др.) и английской (академик Виноградов В. Н., профессора-врачи Коган М. Б., Егоров П. И.). Все арестованные, кроме Виноградова и Егорова, — евреи. Все они врачи кремлевской поликлиники и как таковые - лейб-врачи членов Политбюро, правительства и высших военных чинов. Все евреи первой группы были "завербованы" в американскую разведку через международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию "Джойнт", выдающую себя за благотворительную организацию, а члены группы Виноградова "оказались давними агентами английской разведки". "Хроника..." сообщила о признании врачей, что они умертвили "путем вредительского лечения" секретарей ЦК Жданова и Щербакова, хотели убить маршалов Василевского, Говорова и Конева, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко. Профессор Вовси якобы заявил следствию, что получил директиву от сионистов из "Джойнта" "об истреблении руководящих кадров СССР" (заметим, что важнейших маршалов — Жукова и Булганина, а также важнейших деятелей партии — Маленкова, Берия, Хрущева — нет в числе намеченных жертв).
Если бы Сталин ограничился этой "Хроникой...", то можно было бы подумать, что это лишь очередной взрыв антисемитизма а "дело врачей" просто вариант "дела сионистов". Но статьей в "Правде" (от того же 13 января) Сталин преждевременно (а потому и неосторожно) раскрыл карты: дело лейб-врачей членов Политбюро выглядело как дело самого Политбюро.
Всегда богатая криминальная фантазия Сталина в "деле врачей" оказалась удивительно куцей: он просто вытащил из архива дело Бухарина, Рыкова, Ягоды и судившейся вместе с ними группы кремлевских "врачей-вредителей" (профессора Плетнева, докторов медицины Левина, Максимовн и Казакова), вместо старых имен поставил новые, модернизировал обвинение и подсунул его Политбюро. Более того, Сталин снова пустил в ход свою политическую философию того времени о классах и

классовой борьбе при социализме, о "правых оппортунистах", о "врагах народа", которые тем больше размножаются, чем больше социализм имеет успехов. Вытащил и впервые тогда примененный прием признания врачей в убийстве (Плетнев, Левин, Максимов и Казаков тоже сознались, что по заданию агентов иностранных разведок, бывших членов Политбюро Рыкова, Бухарина, главы НКВД Ягоды они убили путем вредительского лечения члена Политбюро Куйбышева, члена ЦК Менжинского и "пролетарского" писателя Максима Горького).

Сталин настолько ослеп в своей злобе против Политбюро или настолько одряхлел умственно, что уже не видел, как шьет новое черное дело старыми белыми нитками: "...некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, диверсий, шпионажа... Но так думать и рассуждать могут только правые оппортунисты, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения "затухания" классовой борьбы. Они не понимают или не могут понять, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем успешнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет борьба врагов народа" ("Правда", 13.01.53).

Кто ж эти анонимные "правые оппортунисты"? Конечно, не колхозники и даже не "врачи-вредители", а члены Советского правительства и руководители органов госбезопасности, которые, как и "правые оппортунисты" Бухарин, Рыков и Ягода, легко могут быть подведены под чекистские пули.

Впрочем, сам Сталин прямо указывает адрес искомых "врагов народа":

1) "Некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством"; 2) "Органы государственной безопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации среди врачей".

Сталин не думает, что бесталанно повторяет прошлый трюк, сажая на скамью подсудимых врачей Кремля. Он считает их "вредительство" почти закономерностью: "...история уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлые убийцы и изменники Родины вроде "врачей" Левина, Плетнева, которые по заданию врагов Советского Союза умертвили путем умышленно неправильного лечения великого русского писателя А. М.

Горького, выдающихся деятелей Советского государства В. В. Куйбышева и В. Р. Менжинского".
Левин был тогда личным врачом Сталина, как теперь Виноградов. Оба хотели убить Сталина по заданию "правых оппортунистов" и "врагов народа", находящихся на службе у иностранных разведок. Сталин остался жив лишь благодаря собственной бдительности, а органы НКВД ни тогда (Ягода), ни сейчас (Берия) не вскрыли вовремя "вредительской, террористической организации среди врачей".
Почему?
Ягода — потому что сам оказался и "правым оппортунистом" и "врагом народа", а почему не вскрыл Берия — Сталин хочет выяснить теперь.
Сталин заканчивает статью грозным предупреждением: "Советский народ с гневом и возмущением клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит, как омерзительную гадину. Что касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово" ("Правда", 13.01.53). Это язык времен ежовщины, когда Сталин "нашел дорогу" к "вдохновителям" Левина и Плетнева, когда расстрелял половину Политбюро и 70 процентов всех членов ЦК. Берия и Маленков, Хрущев и Булганин, не говоря уж о Молотова и Ворошилове, о Микояне, Кагановиче и Андрееве, отлично знали и этот язык и свою обреченность, если Сталин останется у власти еще несколько месяцев. Об этом говорилось и на XX съезде КПСС:

"Вспомним “дело врачей-вредителей”. На самом деле не было никакого “дела”, кроме заявления женщины-врача Тимашук, на которую, по всей вероятности, кто-то повлиял или же просто приказал (кстати, она была неофициальным сотрудником органов государственной безопасности) написать Сталину письмо... Вскоре после ареста врачей мы — члены Политбюро — получили протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине... Дело было поставлено таким образом, что никто не мог проверить тех фактов, на которых основано следствие... Когда мы пересмотрели это “дело” после смерти Сталина, мы пришли к заключению, что оно было

сфабриковано от начала до конца. Это позорное “дело” было создано Сталиным. У него не хватило времени, однако, довести его до конца (так, как он себе представлял этот конец)" (Н. С. Хрущев, "Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС", стр. 44).
Каким же представлял себе этот конец Сталин?
На этот вопрос дан ясный и категорический ответ: "Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро", было намерение "в будущем ликвидировать старых членов Политбюро" (там же, стр. 58).
С опозданием в тридцать лет Политбюро вытащило из секретного архива "Завещание" Ленина, где предлагалось снять Сталина с поста генсека, так как он способен злоупотреблять властью. "Эта отрицательная черта Сталина... в последние годы его жизни приобрела абсолютно нетерпимый характер", констатирует Политбюро (там же, стр. 8).
Вот когда члены Политбюро пришли к убеждению, что Сталин хочет их ликвидировать и что характер его стал "абсолютно нетерпимым", они решили предъявить Сталину ультиматум не только об освобождении врачей, но и об уходе со всех постов. Сделать это могли лишь те, кто имел еще реальную власть, — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, опираясь на армию (Жуков, Захаров, Москаленко, Соколовский, Еременко) и полицию (Игнатьев). Спровоцированный ими же разгром "внутреннего кабинета" дал возможность предъявления этого ультиматума. Главой заговорщиков несомненно был Берия.
Вернемся ненадолго ко взаимоотношениям Сталина и Берия. Мы уже приводили рассказ Хрущева, как Сталин боялся Берия и даже опасался заговора с его стороны. Мы видели также, что "мингрельское дело" было направлено против Берия. Наконец, и "дело врачей" было прежде всего "делом Берия". В этих условиях кажется странным, почему Сталин не сделал с ним того же, что со старыми членами Политбюро — Молотовым, Ворошиловым и другими, которым он просто запретил посещать его дом. Ведь Берия бывал у Сталина в любое время дня и ночи, когда хотел. Берия бывал в семье Сталина еще при его покойной жене — Надежде Аллилуевой. Именно она первая предупредила мужа, что Берия негодяй. Светлана Аллилуева пишет: "Отвращение к этому человеку

и смутный страх перед ним были единодушными у нас в кругу близких. Мама еще давно (году в 29-м), как говорил мне сам отец, “устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого человека не было у нас в доме”. Отец говорил мне это позже, когда я была уже взрослой, и пояснял: “Я спрашивал ее — в чем дело? Приведи факты! Ты меня не убеждаешь, я не вижу фактов. А она только кричала: я не знаю, какие тебе факты, я же вижу, что он негодяй. Я не сяду с ним за один стол. Ну, — говорил я ей тогда, — убирайся вон! Это мой товарищ, он хороший чекист, он помог нам в Грузии предусмотреть восстание мингрельцев, я ему верю. Факты, факты мне надо”" ("Двадцать писем к другу", стр. 18).

Вот эти факты и заставили Сталина изменить свое мнение о Берия. Аллилуева запомнила, "как была поражена словами отца", когда однажды осталась ночевать у жены Берия, а "наутро вдруг позвонил разъяренный отец и, обругав меня нецензурными словами, прокричал: “Сейчас же езжай домой! Я Берия не доверяю”" ("Только один год", стр. 327).

Все это Берия уже видел и чувствовал. "Берия отлично понимал, что его судьба в постоянной опасности" (там же, стр. 325). Однако и изменив свое мнение о Берия, сразу избавиться от него Сталин не мог, а потому внешне ничем себя не выдавал. Сталин был не только прекрасным конспиратором, но и виртуозным артистом. Сначала войти в доверие избранной жертвы, а потом нанести ей внезапный ошеломляющий удар — таково было первое правило его криминального искусства как во внутренней, так и во внешней политике.

Сталин старается придумать что-нибудь оригинальное, чтобы замаскировать задуманный удар, но это ему явно не удается. Может быть, некоторой компенсацией его выдохшейся изобретательности служит "братанье" на участившихся попойках в Кунцеве, где он подчеркнуто предоставляет Берия роль тамады. Ведь, по кавказским обычаям, пока Берия тамада, он может командовать и Сталиным, даже в его доме.

Сталин не предполагал ни того, что сам может обмануться, ни того, что это случится во время очередного, и последнего, его пира.

Сталин любил каждое свое преступление обосновывать идеологически; ссылкой на Ленина, если есть подходящая цитата, сочинением новой догмы, если такой цитаты нет. В основе этого идеологического обоснования должна была лежать концепция о классах и классовой борьбе. Но Ленин, как и Маркс, объяснял исторический процесс и поведение людей интересами классов и классовой борьбы только в обществе классовом, а социализм считался обществом бесклассовым (таковым в 1936 году объявил его и сам Сталин), и поэтому никакие общественно-политические явления в нем нельзя было обосновывать ссылками на классовую борьбу. Но тогда как же объяснить, что СССР кишмя кишит вредителями, диверсантами, убийцами, около 10 миллионов которых ежегодно сидит в концлагерях? В уже упомянутой статье от 13 января Сталин дал обезоруживающий своей простотой ответ: "В СССР эксплуататорские классы давно разбиты и ликвидированы, но еще сохранились... носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — ж и в ы е л ю д и (выделено в оригинале. - А. А.), скрытые враги нашего народа". Вот они, эти "живые люди", объединившись в класс в бесклассовом обществе, ведут со Сталиным смертельную борьбу.

Эти тезисы Сталина лежат в основе идеологической кампании "Правды" весь январь и февраль.

18 января "Правда", дополнительно приводя сделанные Сталиным еще в ежовские времена высказывания о классах и "врагах народа", призывает в русских областях страны разоблачать этих "врагов народа", а в национальных республиках — "буржуазных националистов".

В разгаре кампании, 21 января, публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР: "За помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-вредителей, наградить врача Тимашук Лидию Федосеевну орденом Ленина". Это уже открытый призыв к местным сексотам тимашукам: давайте пишите побольше доносов — и тоже получите орден!

22 января "Правда" публикует доклад секретаря ЦК Михайлова к двадцать девятой годовщине смерти Ленина. Сталин знал, кому поручить доклад: Михайлов не только почти буквально повторил его статью от 13 января, но и добавил несколько острых высказываний Сталина времен ежовщины.

24 января "Правда" в связи с выборами в местные Советы настойчиво призывает народ к бдительности и сплоченности вокруг партии Ленина - Сталина.
25 января "Правда" подчеркнуто отмечает годовщину отравления Куйбышева "врачами-вредителями".
31 января "Правда" печатает передовую статью "Воспитывать трудящихся в духе высокой политической бдительности". Статья, ссылаясь на "прошедшие за последние годы судебные процессы над бандами шпионов и вредителей в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польше и других народно-демократических странах, разоблачение в СССР шайки подлых шпионов и убийц", призывает страну к решительному разоблачению "скрытых врагов нашего народа". Газета приводит примеры разоблачения "чуждых элементов" в руководящих органах министерств Украины и "космополитов", литовских и еврейских "буржуазных националистов" — в Литве.
6 февраля "Правда" публикует большую статью об арестах органами госбезопасности шпионов в разных районах СССР. Статья изобилует примерами кражи секретных документов (Поскребышев!), почему-то непременно попадающих в руки "врагов" и "изменников".
11 февраля Тимашук письмом в редакцию "Правды" благодарит за "многочисленные письма и телеграммы" с поздравлениями в связи с разоблачением ею "врагов советского народа".
На основании доноса этой "патриотки своей Родины" Сталин и создал "дело врачей". Но Тимашук донесла лишь на одного врача - академика Виноградова. Как мы уже упомянули, этот донос Берия мог организовать для того, чтобы лишить Сталина добросовестного и лояльного личного врача. В планах о будущей болезни Сталина академик Виноградов был лишним, действительно вредным для Берия человеком именно из-за своей добросовестности и лояльности. Берия собирался приставить к Сталину своего врача, но это не удалось — Сталин не допускал к себе никаких врачей и перешел на медицинское "самообслуживание" из своей маленькой домашней аптечки. Берия, конечно, замышлял не это, но все же его устраивало и то, что Сталин оказался вне медицинского контроля.
В разгар бешеной кампании "Правды" против "убийц" происходят еще два убийства, выданные тогда за

естественную смерть. Но теперь уже ясно, что одна смерть нужна была Сталину, а другая — Берия.
17 февраля газета "Известия" сообщила, что "безвременно" умер генерал Косынкин, руководитель комендатуры Кремля, ответственный за безопасность Сталина. Генерал был назначен на этот пост прямо из личной охраны Сталина. Человек относительно молодой, вполне здоровый, фанатично преданный Сталину и чувствовавший себя независимым от Берия, он недооценил возможностей Берия, а потому и умер "безвременно". Но убийство, нужное Сталину, было организовано весьма естественно, даже торжественно, чтобы все подумали — "человек умер на боевом посту". Речь идет о Льве Мехлисе.
В историческом становлении Сталина-тирана по части идеологии Мехлис был тем же, что Ежов и Берия по части полиции. Мехлис был единственным членом ЦК, который мог бы сказать: "Я проложил Сталину идеологическую дорогу к власти через все трупы старой гвардии Ленина, я же его сделал и великим вождем партии и гениальным корифеем всех наук". Достаточно взять комплекты "Правды" 20-х и 30-х годов, чтобы увидеть, как ее редактор Мехлис преуспевал в достижении этой цели. Благодарный Сталин ответил взаимностью: бывшего слушателя Института красной профессуры Мехлиса сначала сделали заместителем главного редактора, потом и главным редактором "Правды", а после "великой чистки" Сталин ввел его в состав ЦК и его Оргбюро (коллегия, распределявшая высшие кадры партии и государства). Во время войны Сталин назначил его своим заместителем по наркомату обороны и начальником Главного политического управления Красной Армии в чине генерал-полковника (Хрущев, член Политбюро, был только генерал-лейтенантом). После войны Сталин сделал его министром государственного контроля и вновь членом ЦК (на XIX съезде). После "дела сионистов" и нового "дела врачей-вредителей" Сталин вспомнил известный "дефект" Мехлиса - он был евреем. Плоская логика антисемита ему и подсказала: если еврей, то сионист, а если сионист, то мог дать задание сионистским врачам (не только пациентом, но и покровителем которых он был) убить своего давнишнего соперника и преемника на посту начальника Главного политического управления Красной Армии, бывшего однокашника по ИКП - А.

Щербакова. И вот пока "врачи-вредители" ожидали суда, Сталин послал Мехлиса в "важную командировку" в Саратов. Там без шума и без свидетелей его арестовали. Переведенный в больницу Лефортовской тюрьмы в Москве, он дал нужные Сталину показания и 13 февраля 1953 года умер (см.: Victor Alexandrov. The Kremlin, p. 325).

Мехлиса торжественно похоронили на Красной площади в присутствии многих членов Политбюро, маршалов, министров, но без Сталина. Вероятно, Сталин решил, что лицемерие тоже должно иметь меру. По крайней мере он отсутствовал не по болезни, так как 17 февраля принял посла Индии К. Менона и долго беседовал с ним. По словам К. Менона, Сталин, несмотря на свои семьдесят три года, выглядел совершенно здоровым человеком. Во время беседы Сталин рисовал на листках блокнота волков и высказал мысль, не только не относившуюся к дипломатическому разговору, но даже и не дипломатическую. Как бы комментируя собственные рисунки, он заметил, что крестьяне поступают мудро, уничтожая бешеных волков! Сталин, конечно, думал о "бешеных волках" из Политбюро (см.: К. Menon. The Flying Troika. London. 1963, p. 29).

Тем временем "Правда" продолжает кампанию по накаливанию политической и психологической атмосферы в стране. Статьи и корреспонденции "Правды" 8, 9, 11, 12, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27 февраля посвящены "убийцам", "шпионам", "вредителям", "врагам народа" и "буржуазным националистам". Ни одна политическая передовая "Правды" не выходит без ссылки на "бдительность" и "врагов народа". По точным рецептам периода ежовщины "Правда" целеустремленно и систематически культивирует всеобщую шпиономанию.

Поздно вечером 28 февраля выходит "Правда" на 1 марта, в которой напечатано постановление ЦК КПСС о женском празднике — дне 8 Марта, — но и там тоже говорится о "шпионах", "убийцах", "скрытых врагах советского народа"...

А со следующего дня происходит нечто странное и необъяснимое: "Правда" вдруг прекращает печатать всякие материалы о "врагах народа". Более того - "враги народа" совершенно не упоминаются даже в политических статьях и комментариях. В передовых статьях "Правды" от 2 марта ("Расцвет социалистических

наций") и от 3 марта ("Важнейшее условие подъема пропаганды") нет ни слова о "буржуазных националистах", "врагах народа", "шпионах" и "убийцах"!

Кампания против "врагов народа" была отменена. Отменена, конечно, не в редакции "Правды", а наверху. Кто же ее отменил? Сталин? Нет, конечно, не Сталин. Ее отменили те, кто начиная с 1 марта 1953 года караулил смерть Сталина. Эти "караульщики" в лице четверки - Берия, Маленков, Хрущев и Булганин — совершили в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года переворот, завуалированный ссылкой на болезнь Сталина, "временно" отошедшего от власти. Четверка немедленно распределила между собой власть в обход Президиума ЦК КПСС. Всем же остальным наследникам Сталина из Политбюро — старым, законным, но не участвовавшим в перевороте, — достались вторые роли. Четверка выпустила "Правительственное сообщение", которое заканчивалось так: "Центральный Комитет и Совет Министров Союза ССР, как и вся наша партия, весь наш советский народ, сознают все значение того факта, что тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собой более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности. Центральный Комитет и Совет Министров в руководстве партией и страной со всей серьезностью учитывают все обстоятельства, связанные с временным уходом товарища Сталина от руководящей государственной и партийной деятельности" ("Правда", 4.03.53).

Сталин тем временем умирал, умирал медленно, но верно, по всем правилам "вредительского лечения", которое он сам на себя накликал... Кстати, в первом "Правительственном сообщении" оказалась и другая ложь. В нем говорилось, что удар у Сталина — кровоизлияние в мозг — произошел в ночь на 2 марта, когда он находился в Москве в своей квартире, а на самом деле, как выяснилось позже, это случилось не в Москве, а в Кунцеве. Если все происходит естественно и совесть у учеников Сталина чиста, то зачем они скрывают действительное место его смерти? Зачем нужно от имени ЦК и Совета министров грубо обманывать собственную партию и народ, если не для того, чтобы создать себе алиби?

Первым, узнавшим от Хрущева, что Сталин умер не в Москве, был бывший губернатор Нью-Йорка, посол США

в Москве во время войны Аверелл Гарриман. Ему же Хрущев рассказал, как четверка охраняла смерть Сталина. Вот что говорит об этом Гарриман: "Так называемый заговор врачей, по которому несколько врачей обвинялись в заговоре с целью убийства некоторых руководящих коммунистов, был, очевидно, состряпан Сталиным, чтобы начать новую чистку. Некоторые иностранные наблюдатели России намекали, что люди из окружения Сталина, боясь потерять свою собственную жизнь в связи с новым массовым террором, сами убили старика. Я все время искал ответа на это. В моей недавней продолжительной беседе с Хрущевым Хрущев рассказал свою версию о смерти Сталина. Позднее по моей просьбе он разрешил мне опубликовать это.

Сталин, говорил мне Хрущев, стал в последние годы очень подозрительным, деспотичным и безжалостным. “Он никому не верил, и никто из нас ему тоже не верил. Он не давал нам делать работу, на которую сам давно не был способен. Нам было очень трудно. Однажды в субботу, ночью, он пригласил нас на обед к себе на дачу за городом. Сталин был в хорошем настроении. Это был веселый вечер, и мы хорошо провели время. Потом мы поехали домой. По воскресеньям он обычно звонил нам, чтобы обсуждать дела, но в то воскресенье он не звонил, что нас поразило. В понедельник он также не вернулся в город. В понедельник вечером звонит начальник его личной охраны и говорит, что Сталин болен. Все мы — Берия, Маленков, Булганин и я - немедленно отправились на дачу, чтобы увидеть его. Он уже потерял сознание. Одна рука и одна нога были парализованы, отнялся язык. Мы находились с ним три дня, но сознание к нему не возвращалось. Потом на некоторое время к нему вернулось сознание, и тогда мы вошли в его комнату. Сиделка поила его чаем из ложки. Он пожал нам руки и старался шутить с нами, силясь смеяться, показал здоровой рукой на картину, висевшую над его постелью. На ней был нарисован козленок, которого маленькая девочка кормила ложкой. Вот теперь, как бы говорил он жестом, он такой же беспомощный, как и этот козленок. Через некоторое время он умер. Я плакал. Прежде всего мы были его ученики и обязаны ему всем”.

Я спросил Хрущева, выбрал ли Сталин себе наследника. Хрущев резко ответил: “Он никого не выбрал. Он думал,

что будет жить всегда"" (Averell Harriman. Peace with Russia. New York. 1959, pp. 102 – 103).
Из этого рассказа мы узнаем важные вещи:
1) Сталин умер не в Москве, а на своей даче (позже от Аллилуевой мы узнаем, что это была кунцевская дача); 2) последними посетителями Сталина были Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, и они провели всю ночь субботы, 28 февраля 1953 года, у Сталина за выпивкой; 3) только в понедельник, 2 марта, охрана Сталина сообщает этой четверке, что Сталин заболел, они едут к нему и три дня караулят у его постели, спокойно ожидая его смерти; 4) о врачах вообще не упоминается.
Эту версию Хрущев потом много раз повторял разным лицам. В воспоминаниях Хрущева она немного расширена. Дата болезни Сталина перенесена на 28 февраля, но суть остается прежней. Только, очевидно, кто-то надоумил Хрущева, что нужно упомянуть о врачах, хотя бы на второй день болезни. Окончательная редакция рассказа выглядит так:

"Сталин заболел в феврале 1953 года (то есть 28 февраля. - А. А.). Маленков, Берия, Булганин и я были у него на даче Ближняя в субботу ночью... Как обычно, обед продолжался до 5 – 6 часов утра. Сталин был после обеда изрядно пьяный и в очень приподнятом настроении. Не было никаких признаков какого-нибудь физического недомогания... Мы разошлись по домам счастливые, что обед кончился так хорошо... Я был уверен, что на следующий день, в воскресенье, Сталин вызовет нас для встречи, но от него не было звонка. Вдруг раздался телефонный звонок. Это был Маленков, он сказал: "Слушай, только что звонила охрана с дачи Сталина. Они думают, что со Сталиным что-то случилось. Будет лучше, если мы поедем туда. Я уже сообщил Берия и Булганину. Будет хорошо, если ты немедленно выедешь"... Я быстро оделся и поехал на дачу Сталина... Через 15 минут я был там. Когда мы все собрались, мы посетили дежурных офицеров, прежде чем идти в комнату Сталина. Офицеры объяснили нам, почему они подняли тревогу: "Товарищ Сталин обычно почти всегда вызывает кого-нибудь и просит чай или что-нибудь поесть к 11 часам. Сегодня он этого не сделал". Поэтому они послали Матрену Петровну узнать, в чем дело. Это была старая дева, которая с давних пор работала у Сталина. Она не

отличалась блестящими способностями, но была честной и преданной Сталину. Вернувшись, она сообщила охране, что Сталин лежит на полу большой комнаты, в которой он обычно спит. Очевидно, Сталин упал с кровати. Охранники его подняли с пола и положили на диван в маленькой комнате. Когда нам все это рассказали, мы решили, что неудобно явиться к Сталину, когда он в таком непрезентабельном состоянии. Мы разъехались по домам" (Khrushchev. Remembers, vol. I, pp. 340 – 342).
Значит:
1) 28 февраля со Сталиным пировала четверка; 2) они ушли от Сталина утром 1 марта; 3) вечером того же дня Сталин тяжело заболел (упал с кровати и подняться сам не мог, не требовал пищи, не разговаривал с обслугой: очевидно, лишился речи); 4) четверка была вызвана вечером 1 марта к больному Сталину, но они не стали вызывать врачей, отказались видеться с больным и разъехались по домам.
Хрущев продолжает: "Поздно ночью Маленков позвонил второй раз: “Охрана Сталина звонила. Они говорят, что со Сталиным что-то определенно не в порядке”...

Когда мы вновь послали Матрену Петровну проверить состояние Сталина, то она сказала, что он спит глубоким сном, но сном не обыкновенным. Мы решили, что лучше уехать. Мы поручили Маленкову вызвать Кагановича и Ворошилова, которых с нами не было накануне, а также врачей" (там же, стр. 342).
Наконец все-таки вызвали и врачей! Врачи раздели Сталина и перенесли обратно в большую комнату, где было больше света. Врачи "сказали нам, что болезнь такого рода продолжается недолго и ее исход бывает смертельным", рассказывает Хрущев.
Кто же эти врачи? Они никому не известны. Как мы увидим дальше, никого из них не знает и Светлана Аллилуева. Нет не только личного врача Сталина Виноградова, но и тех, кто в нормальных условиях немедленно должен был бы прибыть к больному Сталину: начальник Лечебно-санитарного управления Егоров посажен вместе с Виноградовым, а министр здравоохранения СССР Смирнов, собутыльник Сталина, исчез как раз накануне болезни Сталина, замененный Третьяковым, которого тоже никто не знает.

Как издевательством над Сталиным звучат слова Хрущева "мы сделали все, чтобы поставить Сталина на ноги" после его же рассказа, как, осведомившись у Матрены Петровны о состоянии Сталина, они даже не зашли к нему, не вызвали врачей, а разъехались по домам. Врачей вызвали (если вообще это были врачи) только тогда, когда Сталин оказался в безнадежном состоянии, и только тогда его и раздели!

Дальше Хрущев рассказывает, что единственным человеком, желавшим смерти Сталина, был Берия. Берия открыто издевался над умирающим Сталиным (см. там же, стр. 343).

Однако важно другое признание Хрущева: "Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими... Я спросил его:

— Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет занять Берия?

— Какой?

— Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допустить этого.

Булганин сказал, что он согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне должны делать. Я сказал, что я поговорю обо всем этом с Маленковым. Я думаю, что он согласится с нами" (там же, стр. 344).

Если Хрущев иногда бывает искренним, то в данном случае он искренен вдвойне: борьба за раздел политического наследства Сталина началась еще у постели умирающего и первой жертвой был намечен Берия. Но пост министра госбезопасности ему все-таки достался: он просто взял его, прихватив заодно и пост министра внутренних дел.

Вернемся к названным выше датам начала болезни Сталина.

Итак, когда же, собственно, у Сталина был удар — в субботу, 28 февраля, когда его посетила четверка; в воскресенье, 1 марта, когда она его уже покинула (обе эти даты начала болезни названы Хрущевым); в ночь на 2 марта, как утверждает "Правительственное сообщение" (оно солгало о месте нахождения Сталина, могло солгать и о дате), или вечером того же 2 марта, как рассказывал Хрущев Гарриману?

Названы четыре даты, поэтому трудно с уверенностью сказать, какая из них истинная. Я склоняюсь к дате 28 февраля, ибо как указывалось выше, уже 1 марта фактически власть была в руках четверки (объективное доказательство этого — внезапное прекращение 1 — 2 марта кампании в "Правде" против "врагов народа"). Но заговорщикам очень важно скрыть (не только от народа, но и особенно от партии и армии) то, что происходит со Сталиным, чтобы выиграть время для беспрепятственного и успешного завершения переворота. Поскольку заговорщики заинтересованы в создании безупречного алиби, то они приглашают детей Сталина и двух избранных членов Политбюро (Ворошилова и Кагановича) к постели умирающего на второй или третий день болезни, а народу о ней сообщают на четвертый или пятый день, когда смерть Сталина уже неизбежна.

Теперь обратимся к воспоминаниям Светланы Аллилуевой. Она подтверждает, что Сталин умер не в Москве, а на Кунцевском даче; ее и Василия Сталина вызвали к умирающему только 2 марта, когда Сталин окончательно потерял сознание. Дальше она пишет: "Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного, ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на шею и затылок, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрерывно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни... Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти..." ("Двадцать писем к другу", стр. 6 — 7). Из всех этих врачей С. Аллилуевой показалась знакомой одна женщина-врач. "Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где я ее видела? Мы кивнули друг другу, но не разговаривали" (там же, стр. 7). (Эту женщину-врача важно запомнить.)
Наблюдения Аллилуевой о поведении Сталина, когда он приходил в себя, совсем не такие, как у Хрущева. Хрущев говорит, что когда к Сталину на некоторое время вернулось сознание, "то тогда он начал пожимать каждому из нас руки..." (Khrushchev. Remembers, vol. I, p. 343).
У Аллилуевой сказано: "Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах... В какой-то момент... он

вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный... Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх (Хрущев дважды повторяет, что Сталин указал на рисунок с козленком и девочкой. — А. А.), не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился" ("Двадцать писем к другу", стр. 9 — 10). Так что того почти идиллического прощания Сталина со своими соратниками, какое рисует Хрущев, не было. Прощание было "гневным", "угрожающим".

Но наблюдения Хрущева и Аллилуевой о поведении Берия в основном совпадают.

Аллилуева пишет; "Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности... лицо его то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были - честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить... Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза... Но это было без сознания... Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза... А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывающий торжества: "Хрусталев! Машину!" Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще трудно было обмануть... Во многом Лаврентий сумел хитро провести отца... Его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти, чем у этого ужасного человека" (там же, стр. 7 — 8).

Стало быть, после Сталина власть фактически была в руках Берия, но так как Сталин теперь лежал без сознания, то власть и над Сталиным - жить или умереть ему — тоже была в его руках. И Хрущев и Аллилуева

единодушны в своих наблюдениях: Берия желал смерти Сталина, а когда она наступила - он торжествовал. Теперь мы подошли к самому загадочному вопросу: не ухаживали ли за больным Сталиным по методу, который Сталин приписывал арестованным врачам Кремля, — ставя неправильный диагноз и давая противопоказанные лекарства? У нас есть один исключительно важный свидетель, присутствовавший при смерти Сталина и категорически и во всеуслышание утверждавший: Сталина отравили, Сталина убили! Это сын Сталина — генерал-лейтенант Василий Сталин.

Как видно из ее книг, дочь Сталина довольно рано начала проявлять критическое отношение к учению отца и окружающей ее советской действительности, но она не пишет, что ее серьезно занимали политические вопросы или что она вела с отцом какие-либо разговоры на политические темы. Как бы оставаясь верным патриархальным традициям Кавказа, где почти неприлично было говорить с женщиной о политике, Сталин, видимо, не говорил с дочерью о политике. К тому же дочь бывала у отца в последние два-три года его жизни очень редко.

Совершенно по-другому обстояло дело с сыном. Василий Сталин к началу войны окончил военно-авиационную школу. Всю войну провел на фронтах, летал на истребителях, командовал дивизией, корпусом, авиационным соединением в Германии после войны. Потом он был назначен командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Всеми традиционными воздушными парадами под Москвой, а во время праздников и над Красной площадью командовал лично Василий Сталин. Конечно, в возрасте двадцати пяти - двадцати шести лет офицеры генералами не делаются, исключением был разве только Наполеон (на то он и был Наполеоном), но Василия тоже надо считать своего рода исключением он был сыном Сталина. Сталинские маршалы, чтобы угодить самому Верховному, раболепствовали перед его сыном и осыпали его чинами и орденами. Однако сколько бы ни рассказывали, что Василий любил выпить, никто не оспаривал его отвагу и мужество во время войны, да трусы и не лезут в летчики реактивной истребительной авиации.

Если Сталин когда-нибудь и кому-нибудь открывал хоть частицу того сокровенного, что он думал о своих

сподвижниках из Политбюро, то скорее всего только беззаветно ему преданному сыну. Отношения между отцом и сыном остались нормальными и после снятия Василия с его должности: это видно хотя бы из того, что по совету отца он поступил в Академию Генерального штаба. Василия Сталина, как и его сестру, об ударе, случившемся с отцом, известили, как уже указывалось, лишь на второй или третий день, когда Сталин уже не владел речью. В таком состоянии умирающие уже не жалуются.

Но велики тайны провидения. Какая-то неведомая сила, может быть, просто внутреннее чувство дочери заставило Аллилуеву позвонить умирающему Сталину именно в то воскресенье, 1 марта 1953 года. "Я хотела приехать (к отцу — А. А.) еще раз в воскресенье 1 марта, но не могла дозвониться" ("Двадцать писем к другу", стр. 195).

Конечно, не могла дозвониться! Все телефоны Сталина были в руках Берия, им блокированы, но это свидетельство Аллилуевой имеет историческое значение. Аллилуева продолжает: "А наутро 2 марта меня вызвали с занятий в Академии и велели ехать в Кунцево. Моего брата Василия тоже вызвали 2 марта 1953 года. Он тоже сидел несколько часов в этом большом зале... В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что “отца убили”, “убивают”..." (там же, стр. 195 — 196).

Аллилуева, вероятно, склонна думать, что брат бушует под действием алкоголя. Однако в дни похорон, очевидно, совершенно трезвый, неся гроб отца рядом с Молотовым, он вновь повторяет, что "отца убили". Аллилуева продолжает: "Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе. Он был уверен, что отца “отравили”, “убили”; он видел, что рушится мир, без которого он существовать не может... В дни похорон он был в ужасном состоянии и вел себя соответственно — на всех бросался с упреками, обвинял правительство, врачей, всех, кого возможно, — что не так лечили... Он ощущал себя наследным принцем" (там же, стр. 198).

Уверенность Василия, что отца убили, о чем он настойчиво и многократно повторял каждому, кто это хотел слышать (Василий, вероятно, надеялся, что армия заступится за своего Верховного), не была и не могла быть бредом пьяного. Он знал слишком много. Он знал,

что заговорщики "организовали болезнь" Сталина, он знал также, что его отец думал о готовящемся заговоре. Молодой генерал, знающий тайну смерти отца, мог сделаться знаменем, даже организатором нового переворота против узурпаторов отцовской власти. Поэтому его дни на воле оказались считанными.

Сначала постарались избавиться от него по-хорошему. Министр обороны Булганин вызвал его к себе и предложил ему поехать в провинцию, в один из военных округов, но он отказался, желая остаться в Москве. Тогда его разжаловали, арестовали и посадили в знаменитую теперь своим зверским режимом Владимирскую тюрьму. Это произошло через неполных два месяца после смерти Сталина — 28 апреля 1953 года. Просидев там семь лет, он умер в ссылке в Казани в марте 1962 года. Сестра его думает, что он умер от алкоголизма, но, увы, есть в мире еще и другая, более безжалостная болезнь политика. От нее он скорее всего и умер...

Вернемся вновь к официальным документам.

В "Правительственном сообщении" от имени ЦК КПСС и Совета Министров, опубликованном только 4 марта 1953 года, сказано: "В ночь на 2-ое марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи".

О тяжкой, смертельной болезни Сталина сообщают только на четвертый день, ибо фактически удар у Сталина был вечером 1 марта (смотрите выше рассказ Хрущева). "Правительственное сообщение" о болезни Сталина, видно, составлено заговорщиками без консультации с врачами, иначе Сталин не потерял бы сначала сознание, а потом речь. Для лечения Сталина создается комиссия из восьми врачей — академиков и профессоров. Во главе комиссии - новый министр здравоохранения СССР Третьяков и новый начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Куперин. В сообщении говорится, что "лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства", то есть "вредительское лечение" исключается.

5 и 6 марта выходит несколько бюллетеней о ходе болезни Сталина. Составленные на этот раз, по всей

видимости, с использованием последних и лучших медицинских учебников, бюллетени поражают подробностью и изобилием непонятных, сугубо медицинских терминов, частично тут же переведенных на русский язык. За внешней озабоченностью ходом болезни Сталина и "энергичными мерами" его лечения, иногда даже вызывающими частичное улучшение состояния больного, чувствуется, что смерть Сталина — дело решенное. Так, бюллетень, составленный 5 марта, в день смерти, и опубликованный 6 марта, сообщает: "В 11 часов 30 минут вторично наступил тяжелый коллапс, который был с трудом ликвидирован соответствующими лечебными мероприятиями"; но даже: "В дальнейшем сердечно-сосудистые нарушения несколько уменьшились, хотя общее состояние продолжало оставаться крайне тяжелым", — словом, дело клонится к летальному исходу, но энергичные лечебные меры не дают еще Сталину умереть.

5 марта 1953 года Сталин умирает. Тогда наследники прибегают к неслыханной мере: они создают совершенно новую комиссию академиков и профессоров из семи человек во главе с теми же Третьяковым и Куперином для подтверждения правильности диагноза болезни Сталина и правильности его лечения под руководством ЦК. Комиссия дала авторитетное заключение: "Результаты патологоанатомического исследования полностью подтверждают диагноз, поставленный профессорами-врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход" ("Известия", 7.03.53).

Это не врачи, а Берия и его соучастники заручились свидетельством, чтобы доказать свое алиби. Они знали, что не только Василий Сталин будет утверждать, что "они убили Сталина". Но одно то, что им понадобилось такое свидетельство, выдает их с головой.

Дворцовый переворот в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года против Сталина во многом напоминает дворцовый переворот против Павла I и его убийство в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Тогда восстала дворянская элита против жестокого царя, сейчас

восстала сталинская элита против "отца и учителя", открыто угрожавшего "детоубийством". В этом последнем заключается и разница: дворянские заговорщики восстали, чтобы спасти Россию от тирана, а сталинцы — чтобы спасти собственные головы.

Большинство заговорщиков против Павла были склонны сохранить жизнь царю, если он подпишет манифест о добровольном отречении от престола (только при этом условии дал свое согласие на переворот сын Павла Александр); большинство заговорщиков против Сталина, вероятно, тоже сохранили бы ему жизнь, если бы он добровольно ушел со своих постов. Но Берия думал, что в создавшихся условиях лучший Сталин — Сталин мертвый. В свое оправдание он мог бы процитировать и своего предшественника, организатора заговора против Павла, петербургского военного губернатора графа Палена, сказавшего в ночь заговора своим соучастникам: "Вспомните, господа, что нельзя сделать яичницу, не разбив яйца".

Даже объявления о наступлении новой эры после Павла и после Сталина перекликаются между собою. Обычная традиционная формула при естественном наследовании престола в старой России гласила, что сын будет управлять в духе "незабвенного родителя нашего", но в манифесте 12 марта 1801 года Александр I подчеркнул, что будет управлять по законам и "по сердцу" покойной государыни Екатерины II. Это означало либеральное управление. Заговорщики против Сталина в своем первом постановлении после его смерти отмежевываются от него тем, что умалчивают его имя и обещают управлять страной, руководствуясь "выработанной нашей партией политикой", а не "гениальными указаниями" только что умершего "отца, учителя и вождя". При этом наследники предупреждают против возможного "разброда и паники" (ничего, мол, страшного не произошло!). Вот соответствующее место из Постановления совместного заседания пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1953 года: "Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров Союза ССР, Президиум Верховного Совета СССР в это трудное для нашей партии и страны время считают важнейшей задачей партии и правительства - обеспечение бесперебойного и правильного руководства... что в свою очередь

требует... недопущения какого-либо разброда и паники, с тем чтобы таким образом безусловно обеспечить успешное проведение в жизнь выработанной нашей партией и правительством политики как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах".

Таким образом, в этом первом, самом важном юридическом акте о престолонаследии нет ни слова о Сталине, но есть обещания управлять так, как когда-то управляла наша "государыня" — партия.

Если аналогия, то до конца: граф Пален думал, что править Россией при молодом царе будет он, но Александр I уволил его в отставку. Свергая Сталина, Берия думал превратить Россию сталинскую в Россию бериевскую, прикрываясь именем номинального царька Маленкова, но его перехитрили и отправили на тот свет, руководствуясь его же "философией": лучший враг мертвый враг.

А. Авторханов. Еще раз о "загадке смерти Сталина"

А. Авторханов. Еще раз о "загадке смерти Сталина"

"Загадка..." впервые вышла на русском в 1975 году, а потом была переведена и на ряд европейских и азиатских языков. В Советском Союзе она, как и другие мои книги, сразу попала под арест — в спецхран. Тем не менее по разным каналам она доходила и до русского читателя. "Загадка..." была и первой моей книгой, которую освободили из-под ареста в начале 1990 года. Тогда же важнейший фрагмент из нее

был напечатан в "Слове" — литературно-художественном и общественно-политическом журнале Госкомпечати СССР.
Еще в декабре 1989 года, до освобождения моих книг из-под ареста, инициатором печатания меня в СССР явился журнал "Новый мир", попросив у меня разрешение напечатать в очередном номере журнала главу из "Происхождения партократии". С точки зрения все еще существовавшей цензуры с ее острым догматическим глазом, журнал совершил святотатственный поступок — он выбрал самую стержневую, по его же определению, главу: "X съезд и осадное положение в партии". Она посвящена Ленину как основоположнику партократии. Догматики из ЦК КПСС, вероятно, взбунтовались, и мартовский номер журнала 1990 года, в котором была напечатана эта глава, вышел с опозданием на несколько месяцев, а последующие номера задержались еще дольше.
Несмотря на гласность, отмену цензуры, на поток разоблачительной литературы о Сталине и его преступлениях, сама центральная тема моей книги какой смертью умер Сталин — все еще мало исследована.
Недавно мне довелось ознакомиться с письмом дочери Сталина Светланы Аллилуевой на имя главного редактора Нью-Йоркского "Нового журнала" Романа Гуля. История и содержание этого письма вкратце таковы. Как явствует из переписки между Аллилуевой и Гулом, узнав из печати о появлении книги "Загадка смерти Сталина", С. Аллилуева обратилась к Р. Гулю с просьбой достать ей эту книгу. Отправляя ей собственный экземпляр, Р. Гуль попросил С. Аллилуеву написать рецензию на нее, добавив, что "я тоже, может быть, напишу об этой книге. Ничего не значит, что в "Новом журнале" будет два-три отзыва о книге, она того стоит, по-моему. Тем более что Ваш отзыв (напишите, пожалуйста, как Вы хотели, мне просто письмо о книге, это лучше всего) отзыв исключительно важный (будь он положительный или отрицательный)" ("Новый журнал", 1986, 165). Соответствующее "письмо-отзыв" С. Аллилуева и написала Гулю: "Только для Вас, личное письмо. Господину Авторханову, если желаете, покажите..." Р. Гуль не нашел нужным показать его мне. Я прочел его впервые после смерти Гуля в "Н. ж.". С. Аллилуева допускает: "Что оппозиция Сталину была наверху в 1952 — 1953 годах - весьма вероятно". Сделав мне комплимент: "Надо сказать, что г-н Авторханов обладает исключительным

знанием жизни советской верхушки", С. Аллилуева тем не менее отводила мою версию, что Сталин умер в результате заговора Берия. Как видно из дальнейшего содержания ее письма, С. Аллилуева термин "заговор" понимает очень узко. Заговоры могут быть в разных формах: как в действиях, так и в бездействии. Заговор против Сталина не был, конечно, заговором прямых действий, чтобы его убить, но был, выражаясь юридическим языком, заговором "преступного бездействия", когда Сталину, получившему тяжкий удар, дали умереть, не вызывая врачей. С. Аллилуева выставляет на этот счет два тезиса, один противоречащий другому: 1) "Никакого заговора или приведения в исполнение такового, в злодейское исполнение, — я не видела и не вижу" и 2) "Из моих двух книг ясно: семидесятитрехлетнему старику с повышенным кровяным давлением б е з у с л о в н о п о м о г л и п о м е р е т ь тем, ч т о о с т а в и л и е г. о в с о с т о я н и и у д а рабе з врачебной помощи в течение 12 (и больше...) часов" (слова "помогли помереть" выделены Аллилуевой, а остальные мной. — А. А.) (там же, письмо С. Аллилуевой датировано 23.01.77). Вот это "помогли помереть" Сталину невызовом врачей я и считал в книге наиболее вероятной формой заговора Берия против жизни Сталина.

Отводила С. Аллилуева и другую мою версию - ее брат умер не от алкоголизма, а от политики, иначе говоря, его убрали как опасного свидетеля. Она писала: "Брата моего Василия я бы очень хотела видеть таким бравым х р а б рым генералом, каким его рисует г-н А. К сожалению, брат был р а з р у ш е н алкоголем физически и умственно... Не будем и здесь п о д о з рева т ь убийства..." (выделено С. Аллилуевой. — А. А.). Письмо С. Аллилуева кончает загадочно: "Мои две книги содержат все, что я знала: надо лишь уметь читать их внимательно. Спасибо за это Авторханову, однако no comments".

Через двадцать пять лет после своих первых книг и более десяти лет после критики моей "Загадки..." С. Аллилуева написала новую "Книгу для внучек", которая будет опубликована в журнале "Октябрь" в Москве. Отрывок из нее напечатала газета "Московские новости" (21.10.90). В новой книге С. Аллилуева пересмотрела некоторые свои старые оценки и внесла очень важные

дополнения, которые связаны с событиями в Кремле накануне и в первые дни после смерти Сталина. Она пишет: "Здесь уместно, мне думается, вспомнить о двух событиях, которые произошли зимой 1952-1953 годов, событиях, предшествовавших и последовавших за смертью моего отца. Я не писала о них в своих ранних книгах. И значение их как-то больше раскрывается именно со временем, из перспективы. Сейчас мне кажется, что я вижу определенную связь между ними, чего я не видела ясно, когда писала "Двадцать писем". В обоих этих событиях странно фигурировал один и тот же человек... Я полагаю, что необходимо сейчас дополнить мои старые книги нижеследующими фактами. Последний разговор с моим отцом произошел у меня в январе или феврале 1953 года. Он внезапно позвонил мне тогда и спросил, как обычно, безо всяких обиняков: "Это ты передала мне письмо от Надирашвили?" — "Нет, папа, я не знаю такого". — "Ладно". — И он повесил трубку. После смерти Сталина, когда в Колонном зале проходили люди мимо его открытого гроба, дочь Сталина заметила в составе большой грузинской делегации "высокого грузного человека" в одежде рабочего, который остановился, задерживая ход других. Он "снял шапку и заплакал, размазывая по лицу слезы и утирая их своей бесформенной шапкой. Не заметить и не запомнить его крупную фигуру было невозможно". Через день или два этот же самый грузин явился на квартиру С. Аллилуевой. "Здравствуйте, сказал он с сильным грузинским акцентом. - Я - Надирашвили". Это имя Аллилуевой еще недавно назвал отец. С. Аллилуева пустила его в квартиру. Он сел, показал ей туго набитую бумагами папку и заплакал. ""Поздно! Поздно!"" - только и сказал он, добавив, что Берия "хотел меня убить... он никогда не поймает меня...". И тут же спросил адреса маршалов Жукова и Ворошилова. "Я д о л ж е н увидеть Жукова. Я должен все ему передать. Я все собрал об этом человеке. Он меня не поймает"".
Аллилуева продолжает: "Через день... раздался звонок телефона, и я с удивлением узнала, что мне звонит не кто иной, как сам Берия". Берия вежливо, "по-братски", справлялся о делах С. Аллилуевой, говорил, что правительство назначит ей пенсию, и неожиданно перешел к делу: "Этот человек

— Надирашвили, который был у тебя, — где он остановился?" Удивительно, то С. Аллилуева, которая писала в своей книге, что Берия был хитрее Сталина, даже сейчас не понимает, что весь этот театр, начиная от плача Надирашвили в Колонном зале и кончая его визитом к ней, всего лишь разведывательная провокация Берия, а Надирашвили — это просто агентурный псевдоним сексота Берия. Такой же театр Берия, несомненно, устроил и вокруг ее доверчивого и темпераментного брата Василия. Вероятно, Василий поддался провокации, что могло служить непосредственным поводом для его ареста, а Аллилуева отделалась строгим выговором с предупреждением "за содействие известному клеветнику Надирашвили". Выговор закатил ей по доносу того же Берия известный инквизитор Шкирятов. После расстрела Берия выговор сняли, но брата не освободили. Это свидетельствует о том, что Василия с воли убрал не один Берия, а вся четверка. Новая книга С. Аллилуевой проливает свет и на события, связанные с разгромом "внутреннего кабинета" Сталина во главе с генералом Поскребышевым. В "Загадке..." я писал, что заговор против Сталина мог быть успешным лишь после ликвидации верноподданных ему генералов: начальника "внутреннего кабинета" генерала Поскребышева, начальника личной охраны генерала Власика, — а также личного врача Сталина академика Виноградова. Я утверждал, что Берия, вероятно, косвенными путями спровоцировал Сталина, чтобы тот собственноручно и провел эту операцию. Теперь становится ясно, что Берия использовал для этой цели того же Надирашвили. Почему?

Ответ на это вопрос вытекает из дальнейшего изложения Аллилуевой: "Когда во вторую половину дня 1 марта 1953 года прислуга нашла отца лежащим возле стола и как с телефонами на полу без сознания и потребовала, чтобы вызвали немедленно ВРАЧА, никто этого не сделал. Безусловно, такие старые служаки, как Власик и Поскребышев, немедленно распорядились бы без уведомления правительства и врач прибыл бы тут же". Вот чтобы этого не случилось, Берия доносами его мнимого врага Надирашвили спровоцировал вечно подозрительного Сталина убрать из своего окружения преданных ему людей. С. Аллилуева констатирует этот факт, не понимая его подоплеки, когда пишет:

"Таинственный Надирашвили, как я полагаю, все же сумел как-то передать Сталину что-то насчет деятельности Берия. Последовали немедленные аресты ближайших к Сталину лиц: генерала охраны Н. С. Власика, личного секретаря А. Н. Поскребышева. Это были январь - февраль 1953 года. Академик В. Н. Виноградов у ж е находился в тюрьме". "Таинственный Надирашвили", разумеется, не писал ничего "насчет деятельности Берия", ибо Сталин убрал не Берия, а своих верных и преданных помощников.

В цепи косвенных улик заговора Берия против Сталина, которые я собрал в "Загадке...", "таинственный Надирашвили" как раз и был недостающим звеном. Я утверждал, что именно Берия спровоцировал Сталина на разгром своего "внутреннего кабинета". Почему надо было заговор начать с разгрома этого кабинета? Напомню, что я писал в "Загадке...": "Лишите Сталина этого "кабинета", и тогда он в ваших руках — таков и был план Берия. Надо было убрать от Сталина его личного врача, начальника его личной охраны, начальника его личного кабинета, его представителя в Кремле - коменданта Кремля. Их можно было убрать только руками самого Сталина. Здесь Берия был в своей стихии".

К своим прежним наблюдениям, что руководители правительства "помогли помереть" Сталину тем, что не вызвали врачей после его удара, Аллилуева добавляет новые существенные факты: "Врача так и не позвали в течение последующих 12-14 часов, когда на даче в Кунцеве разыгрывалась драма: обслуга и охрана, взбунтовавшись, требовали немедленного вызова врача, а правительство уверяло их, что "не надо паниковать". Берия же утверждал, что "ничего не случилось, он с пит". И с этим вердиктом правительство уехало, чтобы вновь возвратиться обратно через несколько часов, так как вся охрана да и вся обслуга теперь уже не на шутку разъярились. Наконец члены правительства потребовали, чтобы больного перенесли в другую комнату, раздели и положили на постель — ВСЕ ЕЩі без врачей... Наконец на следующее утро начался весь цирк с Академией медицинских наук - как будто для определения диагноза нужна академия! Не ранее чем в 10 часов утра прибыли наконец врачи... Вся прислуга и охрана, требовавшие немедленного вызова врача, были

у в о л е н ы. Всем было велено м о л ч а т ь... Они молчали. Но... в 1966 году одна из проработавших на даче в Кунцеве в течение почти двадцати лет пришла ко мне и рассказала всю вышеприведенную историю". Аллилуева сообщает, что она "н е писала об этом в "Двадцати письмах"... Я не хотела, чтобы в 1967, году когда я не вернулась в СССР, кто-либо на Западе мог бы подумать, что я "бежала" просто из чувства личной обиды или мести". Она добавляет, что о смерти брата тоже не написала все, что знает.

Причина смерти Сталина абсолютно ясна - намеренное неоказание своевременной медицинской помощи больному, но загадкой все еще остается другой вопрос: был удар естественный или он был вызван искусственно медицинскими агентами Берия в ту последнюю ночь 27 февраля, когда четверка пила со Сталиным. Вероятно, это еще долго останется тайной Кремля.

Новые данные С. Аллилуевой подтверждают мою версию о судьбе брата, которую она отрицала в письме Р. Гулю. Теперь она пишет: "Ему (брату Василию. — А. А.) тоже "помогли умереть" в его казанской ссылке, приставив к нему информантку из КГБ под видом медицинской сестры. О том, что она была платным агентом КГБ, знали (и предупреждали меня) в Институте Вишневского, где она работала и где Василий лежал некоторое время на обследовании... Василий, конечно, знал куда больше, чем я, так как с ним говорили все обслуживающие Кунцевском дачи в те же дни марта 1953 года. Он пытался встретиться с иностранными корреспондентами и говорить с ними. За ним следили и в конце концов арестовали его. Правительство не желало иметь его на свободе. Позже КГБ просто "помог" ему умереть". Я чувствую, что даже теперь, в эру гласности, С. Аллилуева не хочет или не свободна рассказать, на чем были основаны обвинения Василия, когда он заявлял, что "они убили отца, они его отравили!" Ведь она же засвидетельствовала нам, что он кричал об этом не только в Кунцеве, но и на похоронах Сталина на Красной площади.

Другой наблюдатель — тоже высокого ранга, сын Георгия Маленкова, доктор биологических наук Андрей Георгиевич Маленков - также пишет о событиях, связанных со смертью Сталина. Отрывок из его будущей книги опубликовал "Журналист" (1991, 2). Из него я хочу

привести здесь то место, которое касается нашей темы: "Деспотическая личная власть Сталина строилась на балансе трех сил: партократии, репрессивных органов и технократов". По А. Маленкову, партократию возглавлял Хрущев, технократию - Маленков, а репрессивные органы, естественно, Берия. Однако "Сталину нужен был баланс сил. Но чем ближе становился его неизбежный конец, тем больше полагался Сталин на Маленкова... в борьбе с Маленковым Берия не мог рассчитывать на поддержку Сталина. Поэтому он решает создать почву для устранения их обоих. С этой целью он раздувает "дело врачей", придав ему зловещую истерическую окраску и размах. Расчет был прост: обвинив кремлевских медиков в умышленном неправильном лечении и отравлении представителей высшей власти, можно безопасно убрать и Маленкова и Сталина, используя медицинские методы"... Отец, как я знаю, сразу же понял смысл этой кампании, но для подозрительного Сталина необходимы были конкретные доказательства — ведь "дело врачей" вел Рюмин, только что возвышенный Сталиным. Поэтому отец поручает С. Д. Игнатьеву неотступно следить за Рюминым и его командой. И уже через месяц Игнатьев докладывает отцу, что у него есть данные, раскрывающие истинный замысел "дела врачей". Маленков и Игнатьев докладывают эти данные Сталину, и тот произносит не оставляющую сомнений фразу: "В этом деле ищите Большого Мингрела" (на мафиозном жаргоне — Берия). Над Берия нависла непосредственная угроза: он стал опасен самому Сталину. Тогда Берия решается на прямую борьбу с грозным Хозяином. В декабре 1952 г. он организует налет на дачу Сталина, устраняет всех преданных Сталину людей (в частности, Поскребышева, Власика) и окружает его своими людьми. Готовится последняя акция режима, которая должна была уничтожить его творца. Я не знаю, завершил ли Берия этот замысел или Сталин умер своей смертью. Во всяком случае, отрицать возможность того, что Берия убил Сталина, тоже нет полных оснований".

Однако объективные факты говорят за то, что в заговоре Берия участвовали также Маленков, Хрущев и Булганин. Ведь только они вместе с Берия провели ночь рядом с умирающим Сталиным, они караулили его смерть, они же вместе с Берия отказались вызвать врача к больному,

пока ясно не обозначился летальный исход. Бесспорно и другое: четверка была искусственной и противоречивой комбинацией, созданной по расчету. Каждый из четверки - Берия, Маленков, Хрущев, Булганин — метил самого себя в наследники Сталина: Берия, Маленков и Хрущев претендовали на это по своим рангам в иерархии, вождей, а Булганин, как выражаются американцы, в качестве темной лошадки, то есть бесцветного компромиссного кандидата.

В своей работе я разбирал только одну политическую сторону загадки смерти Сталина: организовался ли в Кремле заговор против жизни Сталина. Анализируя все доступные мне официальные и неофициальные документы о политической обстановке в стране и на верхах Кремля к началу 1953 года, взвешивая все аспекты знаменитого дела кремлевских врачей — "убийц" и его политико-стратегического умысла, присматриваясь к объективной логике развития политических событий накануне и в первые дни после смерти Сталина, изучая материалы XX съезда КПСС и кампании по разоблачению культа личности Сталина, читая, наконец, мемуары Хрущева и Аллилуевой, я пришел в своей книге к выводу: не в том загадка смерти Сталина, был ли он умерщвлен, а в том, как это произошло. Этого вывода я держусь до сих пор. Близка к нему и Светлана Аллилуева, которая так неубедительно оспаривала его в письме-отзыве.

Для исследования первой стороны загадки я опирался на так называемые косвенные улики, но чтобы выяснить вторую сторону загадки, как Сталин был умерщвлен, нужны улики прямые — судебно-медицинские. Накануне или в первые дни болезни Сталина четверка во главе с Берия сняла с постов министра здравоохранения СССР, а также начальника Лечебно-санитарного управления Кремля. Обе должности заняли доверенные люди Берия. Цель ясна: они должны руководить комиссией по "лечению" Сталина. После смерти Сталина создается и другая комиссия во главе с теми же лицами — эта комиссия должна подтвердить, что первая комиссия правильно поставила диагноз болезни Сталина и правильно его лечила, тем более, как указывало официальное коммюнике, "лечение товарища Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского Правительства". Вторая комиссия засвидетельствовала то, что от нее требовали: "Данные

патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И. В. Сталина". Никому эти "данные" не известны. Они остались секретными. К тому же, чтобы исследовать данные вскрытия трупа о том, не стал ли покойник жертвой преступления, нужна не комиссия врачей, пусть даже из академиков, а нужны эксперты из специальной области медицины — судебной. Разумеется, таких экспертов в составе комиссии не было, и поэтому подлинная причина смерти Сталина осталась неизвестной. Также осталась неизвестной и причина смерти Василия Сталина. С. Аллилуева замечает: "19 марта 1962 года он (Василий) умер при загадочных обстоятельствах. Не было медицинского заключения, вскрытия... Мы так и не знаем в семье, от чего он умер... еще не хотят раскрытия всех обстоятельств".

Если правовое государство не пустышка, то надо расследовать не только преступления Сталина, но и преступления против Сталина и его сына. Такое расследование возможно и сейчас, поскольку их останки не были преданы кремации, а некоторые из членов бериевских комиссий, вероятно, еще живут.

Передо мною лежит сейчас стенографический отчет пленума ЦК КПСС от 2 — 7 июля 1953 года, на котором обсуждалось "дело Берия". Этот отчет тридцать восемь лет держался в строгом секрете и только теперь впервые опубликован в "Известиях ЦК КПСС" (1991, 1, 2). На этом пленуме с докладом о заговоре Берия против партии и правительства выступил Г. М. Маленков. В прениях участвовали все члены сталинского Политбюро плюс ряд министров и местных секретарей партии. И докладчик и ораторы в прениях доказали одно: не было заговора Берия против нового руководства, а был заговор этого нового руководства против Берия, который возглавила группа в составе Хрущева, Маленкова, Булганина, Кагановича и Молотова. Другие члены сталинского Политбюро, Ворошилов и Микоян, присоединились к заговору против Берия на самом заседании Президиума ЦК КПСС 26 июня 1953 года, на котором Берия был арестован и, вероятно, через несколько часов

расстрелян, ибо следующие слова Кагановича на пленуме я не считаю случайной обмолвкой: "Центральный Комитет уничтожил авантюриста Берия" ("Известия ЦК КПСС", 1991, 1, стр. 192 – 193). За что же? За то, что Берия хотел провести десталинизацию во внутренней и внешней политике, что мы увидим из анализа докладов и прений.
Я проанализировал отчет июльского пленума ЦК КПСС с тем вниманием, какое заслуживает этот исторический документ в свете уже исследованных мною событий и проблем в "Загадке смерти Сталина". Такой анализ только подкрепил меня в старом убеждении, что в последние месяцы жизни Сталина внутри руководства сложилось два заговора: один - заговор четверки (Берия, Маленков, Хрущев, Булганин) во главе с Берия против Сталина, второй заговор внутри четверки (Хрущев, Маленков, Булганин) во главе с Хрущевым против Берия. Позволю себе напомнить, что говорится в "Загадке..." в отношении обоих заговоров. Сначала о заговоре против Берия. Хрущев рассказывал, что еще тогда, когда Сталин заболел, он говорил Булганину: "Если Сталин умрет, Берия хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Мы абсолютно не должны допустить этого. Булганин сказал, что он согласен со мною... Я сказал, что я поговорю обо всем этом с т. Маленковым". Это я взял из английского текста "Khrushchev Remembers", опубликованного в Америке. Кремль заставил пенсионера Хрущева объявить на страницах "Правды" свои подлинные воспоминания, продиктованные им на магнитофон, фальшивкой ЦРУ.
Отчет пленума подтверждает, что заговор троих из четверки - Хрущева, Маленкова и Булганина — составился еще тогда, когда Сталин боролся со смертью. Вот выступление Хрущева на пленуме: "...примерно за сутки до смерти товарища Сталина я товарищу Булганину сказал: “...после смерти Сталина Берия будет всеми способами рваться к посту министра внутренних дел... это приведет к очень плохим последствиям для партии”. Булганин: “Был такой разговор”" (там же, стр. 149 – 150). А вот и выступление Булганина: "Товарищ Никита Сергеевич Хрущев перед кончиной товарища Сталина действительно говорил мне о Берия... “Как видишь... мы стоим накануне смерти нашего вождя, но я предвижу и боюсь, что Берия нам сильно осложнит дело. Я

предвижу, что, когда умрет Сталин, он рванется к МВД. А зачем, ты думаешь, ему нужно МВД? Затем, чтобы... подчинить себе партию и государство”" (там же, стр. 172 - 173).

Так что заговор против Берия образовался еще внутри большого заговора против самого Сталина. Однако заговор против Берия совсем не означал, что тройка этим самым хочет реабилитировать Сталина и осудить Берия за то, что он поднял кампанию против культа личности Сталина. Именно так поняли разоблачения Берия старые соратники Сталина Ворошилов, Каганович, Андреев. Они, члены Президиума ЦК, как и весь ЦК, не знали и не могли знать, что осуждение культа личности и свержение Сталина - совместное решение всех членов четверки. Не потому они свергли Берия, что тот вместе с ними низверг Сталина с трона диктатора, а потому, что он хотел сам занять его место. Вот из-за этой неосведомленности и звучали такие речи на пленуме:

К а г а н о в и ч: "Начал он (Берия. — А. А.) атаку на партию с атаки на Сталина. На другой день после смерти Сталина, когда еще Сталин лежал в Колонном зале, он фактически начал готовить переворот, начал свергать мертвого Сталина, он стал мутить, пакостить, то рассказывал, что Сталин говорил про тебя то-то, про другого то-то, то говорил, что Сталин и против него, Берия, шел. Он нам... говорил: “Сталин не знал, что если бы он меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание”. Говорил это?" Голоса из Президиума: "Говорил". "Берия враждебно относился к заявлениям о том, что Сталин великий продолжатель дела Ленина, Маркса — Энгельса... и все это подносилось под видом того, что н а м н у ж н о ж и т ь т.д. п е р ь п о - новому" (там же, стр. 196 — 197; выделено мною. — А. А.); А н д реев: Берия "начал дискредитировать имя товарища Сталина... Он делал это сознательно, чтобы имя товарища Сталина похоронить и чтобы легче прийти к власти... имя товарища Сталина исчезло (из печати — А. А.)... это его рука... Появился откуда-то вопрос о культе личности. Почему стал этот вопрос?... Это проделки Берия". Ворошилов из Президиума: "Правильно" (там же, 2, стр. 185).

Эти выступления бывших членов сталинского Политбюро в защиту Сталина и его политики как продолжателя дела Ленина поставили тройку (Маленкова, Хрущева и Булганина) перед тяжелой необходимостью: как осудить культ личности Сталина, не обеляя самого Берия? В заключительном слове Маленков вынужден был осудить культ Сталина, но уже в чисто деловом аспекте: "Здесь на Пленуме ЦК говорили о культе личности и, надо сказать, говорили неправильно... Прежде всего, надо открыто признать, и мы предлагаем записать это в решении Пленума ЦК, что в нашей пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории... Вы должны знать, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены" (там же, стр. 195). Маленков добавил, что съезд не созывался тринадцать лет, годами не созывались пленумы ЦК, Политбюро не работало. "Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной" (там же). Маленков сослался и на известное выступление Сталина против Молотова и Микояна на октябрьском пленуме ЦК (1952), потом Маленков обратился к залу с вопросом: "Разве Пленум ЦК, все мы были согласны с этим? Нет! А ведь все мы молчали. Почему? Потому что до абсурда довели культ личности и наступила полная бесконтрольность. Хотим ли мы чего-либо подобного в дальнейшем? Решительно — нет" (там же, стр. 196). Маленков тут же покритиковал и "экономические проблемы социализма в СССР" Сталина, которые он, как и все ораторы, так высоко возносил в отчетном докладе ЦК КПСС XIX съезду партии. Насколько прочно и глубоко всосался в кровь и мозг партократии "священный" образ "бога" Сталина, показывает тот памятный факт, что даже после такого выступления тогдашнего первого лидера партии и государства Маленкова, поддержанного вторым лидером - Хрущевым, а также соответствующим постановлением данного пленума ЦК КПСС, в стране вспыхнула с прежним размахом новая эпидемия культа Сталина. Что же касается уголовных преступлений Берия против нового руководства, то многие обвинения

надуманны, притянуты за уши, а серьезные политические обвинения против Берия, наоборот, свидетельствуют о правоте и политической дальнозоркости Берия. Маленков обвинил его в следующем:
1) Берия подслушивал наши телефонные разговоры и шпионил против нас через наших личных охранников; 2) Берия хотел ликвидировать ГДР и создать объединенную буржуазную Германию; 3) Берия хотел восстановить нормальные отношения с Югославией; 4) Берия объявил амнистию заключенных, чтобы поднять свой авторитет; 5) Берия атомными делами занимался, игнорируя ЦК, и без ведома ЦК организовал взрыв водородной бомбы; 6) Берия еще при Сталине сеял недоверие между членами руководства; 7) Берия добился от ЦК КПСС принятия ошибочного решения о проведении в союзных республиках новой национальной политики на основе новой "коренизации", то есть на руководящие посты в аппаратах партии и государства республик назначать представителей коренных национальностей, этим он намеренно хотел поссорить националов с русскими (как пример Маленков указал на решения ЦК КПСС об Украине, Литве); 8) Берия, обходя ЦК, лично освобождал от имени МВД СССР арестованных Сталиным с 1946 по 1953 год генералов, министров, врачей — "вредителей", "мингрельцев" и других, чтобы поднять свой авторитет; 9) Берия — "преступно разложившийся человек" (там же, 1, стр. 143 — 151).
Ко всем этим обвинениям Хрущев от себя добавил еще такое "“страшное” обвинение" по докладу Ракоши о Венгрии Берия сказал, что государственными делами должно заниматься правительство, а "ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой" (там же, стр. 153). Находя список уголовных обвинений Маленкова в адрес Берия недостаточно весомым, Хрущев предложил объявить, Берия шпионом буквально в следующих словах: "Берия может быть и шпион" (там же). Резолюция пленума ЦК потом запишет: Берия был "агентом международного империализма" (там же, стр. 205).
После войны Берия непосредственно не руководил органами госбезопасности, но надзирал над ними в качестве заместителя Сталина по Совету Министров СССР. Берия весьма критически относился к деятельности "органов" после своего ухода оттуда. Это, может быть, конечно, просто профессиональная ревность бывшего

шефа, но сам же Хрущев замечает: "Он иногда сам возмущался тем, что делалось в МВД или в МГБ" (там же, стр. 153). Микоян в своей речи на пленуме сообщил, чем мотивировал Берия свое желание вновь возглавить МВД СССР. Микоян начал с того, что подтвердил: "Надо сказать, что товарищ Сталин в последнее время не доверял Берия. Берия вынужден был признать на последнем для него заседании Президиума ЦК, что товарищ Сталин ему не доверял, что мингрельское дело создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берия, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел" (там же, 2, стр. 150).

Потом Микоян выставил весьма важное свидетельство о мотивах Берия возглавить МВД СССР после Сталина: "Как-то я его спрашивал: зачем тебе НКВД? А он отвечал: надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить и зря людей не посылать в лагеря. НКВД надо сократить, у нас не охрана, а надзор за нами... оставить по одному-два человека для охраны членов Правительства. Вот такие утверждения он делал" (там же, стр. 150 — 151). Конечно, и Хрущев и Микоян считают все это "двурушничеством" Берия.

Я остаюсь при своем мнении, что и пленум ЦК в июле 1953 года и Верховный суд СССР в декабре 1953 года судили не живого Берия из тюрьмы, а мертвеца. Поэтому не зачитывались показания Берия на предварительном следствии перед пленумом ЦК в июле 1953 года, поэтому не сообщались показания Берия и перед Верховным судом в декабре 1953 года. Вероятно, большинство членов пленума ЦК были о смерти Берия информированы, кроме его близких друзей и подручных Берия в аппарате партии, как, например, первый секретарь ЦК Азербайджана и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Багиров. Отсюда понятен и смех в зале, вызванный ответом Багирова на одну из реплик Маленкова. Багиров в своей очень путаной и пугливой речи начал рассказывать, что Берия недавно звонил ему, что он хочет создать новые республиканские ордена. Когда Маленков начал атаковать Багирова вопросами, какие ордена и для кого, то растерявшийся Багиров сказал: спросите об этом Берия, — что и вызвало смех в зале.

Анализируя многочисленные улики, изучая атмосферу внутри и на верхах партии, логику развития политических событий, психологию их ведущих участников, я пришел в "Загадке смерти Сталина" к выводу: еще при жизни больного Сталина его ученики произвели политический переворот против диктатора. Напомню, что сказано на этот счет в книге: "Четверка - Берия, Маленков, Хрущев и Булганин — совершила в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года переворот, завуалированный ссылкой на болезнь Сталина, временно отошедшего от власти. Четверка немедленно распределила между собою власть в обход Президиума ЦК КПСС. Всем же остальным наследникам Сталина из Политбюро старым, законным, но не участвовавшим в перевороте, — достались вторые роли". Подтверждается ли этот вывод из анализа материалов июльского пленума? Глупо было бы думать, что кто-нибудь из участников переворота признается в этом перед сталинским ЦК, но зато горбачевский ЦК — вольно или невольно выдал великую тайну в своем воистину историческом примечании 41 к речи Молотова: "5 марта 1953 г. состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР, которое продолжалось с 20 час. до 20 час. 40 мин., т.е. закончилось за 1 час 10 мин. до смерти И. В. Сталина (как сообщалось в извещении о кончине И. В. Сталина, он умер 5 марта 1953 г. в 21 час. 50 мин.). На заседании приняты решения по организационным вопросам — о Председателе и первых заместителях Председателя Совета Министров СССР, о Президиуме Совета Министров СССР, и его составе, о Председателе и секретаре Президиума Верховного Совета СССР, об объединении ряда министерств и назначении министров, о председателе Госплана СССР и председателе ВЦСПС, а также о составе Президиума и секретарей ЦК КПСС. Постановление совместного заседания было опубликовано в печати 7 марта 1953 г. без указания даты его проведения" (там же. 1, стр. 160; выделено мною. — А. А.). Тут уж действительно нет сомнения: власть Сталина перешла к его диадохам, когда Сталин еще дышал. Теперь уже понятно и то, почему Хрущев и

Микоян так настойчиво подчеркивали в своих речах на пленуме, что врачи с самого начала болезни Сталина им заявили, что смерть Сталина неизбежна. Ложь, призванная оправдать захват власти у все еще живого Сталина. Это не во врачебной этике — заявить, что пациент, да еще такой, как Сталин, не имеет шансов на выздоровление. Ведь тот же Хрущев рассказывал, что один из врачей продолжал лечить мертвого Сталина, пока кто-то из четверки не сказал: "Ты что, не видишь, человек умер".

Какую политику хотел проводить Берия, став после смерти Сталина фактическим правителем страны? В "Загадке..." я ответил на этот вопрос так: "Берия был не только полицейским: как политик он был намного выше своих коллег и понимал, что со Сталиным кончилась целая эпоха, что отныне стать великим и успешно править страной может только анти-Сталин... десталинизация политической жизни вообще и национальной политики в особенности были теми двумя китами, на которых Берия собирался строить свою новую программу". (Я должен извиниться перед читателями, что занялся самоцитированием, это потому, что как раз "Загадку смерти Сталина" литературные кагэбисты объявили мифическим произведением.) Выступления организаторов заговора против Берия с абсолютной достоверностью свидетельствуют, что Берия хотел не ремонтировать сталинскую систему, а уничтожить ее, что не устраивало никого - ни заговорщиков против Берия, ни партию с армией. Какая же была бериевская альтернатива в конкретном плане, остается под вопросом. В свете развития дальнейших событий, особенно в эпоху Горбачева, становится ясно, как далеко смотрел Берия. Из выступлений антибериевских заговорщиков на пленуме все-таки видны и некоторые приоритеты будущей политики Берия:

1) ликвидация репрессивной системы Сталина — Берия;

2) консолидация политики в европейских странах-сателлитах, начав ее с ликвидации "социализма" в ГДР и объединения двух Германий; 3) предупредить развал СССР, вернувшись к ленинской политике "коренизации"; 4) перемещение власти от партаппарата к госаппарату.

Вот это все не устраивало партократию, отсюда и заговор против Берия. Огромную роль, конечно, играли

и личные мотивы в действиях заговорщиков. После смерти Сталина соучастники антисталинского заговора увидели, что поменяли одного диктатора на другого. Лишенный дипломатического дара Сталина в обращении с потенциальными противниками и находясь в эйфории от блестящего успеха своего заговора против Сталина, Берия, переоценив себя, начал рубить сплеча. Уже первый его шаг был опрометчивым — послесталинское правительство фактически было назначено им вопреки требованию Молотова рекомендовать правительство от имени ЦК КПСС, а не от имени одного Берия (Молотов рассказывал на пленуме о своем звонке Берия на этот счет и об отказе Берия принять его предложение). Такие его действия оценены в постановлении пленума ЦК как попытка поставить политическую полицию над партией. Абсурд. Еще с 30-х годов сам Сталин поставил ее над партией, а Берия только воспользовался этим наследием культа личности, чтобы оперативно организовать новое "временное правительство", а дальше будет видно. Во "временном правительстве" Берия взял на себя роль второго лидера, чтобы править первым. Все это видели, и никто этим как будто не возмущался. Не возмущался и сам юридически первый лидер, классик данной системы — Маленков, не возмущался бесцветный бюрократ Булганин, правда, возмущались Молотов и Каганович: первый тем, что Берия не соблюдает традиционного порядка назначения правительства через ЦК КПСС, а второй тем, что Берия в присутствии всего Президиума ЦК говорит о Сталине всякие "пакости". Ворошилов и Микоян оказались вообще невозмутимыми: им был хорош Сталин, теперь им хорош и Берия. Однако один "возмутитель" все-таки нашелся, который у Берия числился в политических клоунах, способный в его глазах на роль затейника, а не серьезного политика, — Хрущев. Но "затейник" оказался в сталинском искусстве внезапных ударов на класс выше самого Берия. Как мы узнали из выступлений Хрущева и Булганина на пленуме, Хрущев, завербовавший еще во время болезни Сталина Маленкова и Булганина против Берия (все трое жили в одном доме, что облегчило задачу конспирации при встречах), начал искать новых союзников. После смерти Сталина Хрущев очень легко убедил Молотова и Кагановича, что Берия был и остался их врагом и метит в диктаторы.

Таким образом, в реорганизованном Президиуме ЦК КПСС создалось авторитетное большинство против Берия. Одновременно Хрущев и Булганин подобрали и команду из среды военных во главе с маршалом Жуковым для ареста Берия. Техника исполнения заговора была до гениальности проста: арестовать Берия на очередном заседании правительства. Прежде всего Хрущев и по его режиссуре Маленков провели предварительную подготовку во время их уединенных прогулок с Берия, внушая ему, что в их лице он имеет глубоко преданных единомышленников и верных соратников (участие в заговоре против Сталина лучшее доказательство).
Хрущев рассказал на пленуме, какова была цель такой "дружбы": "Некоторые говорили: как же так, Маленков часто под руку ходит с Берия... Хрущев с ним также ходит... Я считаю, что до поры до времени это хождение нам пользу приносило и было нужно. В четверг (25 июня 1953 г.) мы — Маленков, я и Берия - ехали в одной машине, хотя мы знали, что он интриган, что он меня интригует против Маленкова и против других... Прощается он, руку жмет, я ему тоже отвечаю "горячим" пожатием: ну, думаю, подлец, последнее пожатие, завтра в 2 часа мы тебя подожмем. (С м е х). Мы тебе не руку пожмем, а хвост подожмем... С таким вероломным человеком только так надо было поступить. Если бы мы ему сказали хоть немного раньше, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами... похоронит тебя, речь произнес е т и табличку повесит: "Здесь покоится деятель партии и правительства"... Он способен на это. Он способен п о д л и т ь о трав у" (там же, стр. 158; выделено мною. — А. А.). Хрущев признался, что с вероломным Берия он поступил вероломно. Искусству вероломства их учил сам Сталин, которого они лишили жизни и власти тоже вероломно. Каков учитель, таковы и ученики...

А. АВТОРХАНОВ Ольхинг, 1991

КОНЕЦ БЕРИЯ

Замести следы преступления и создать себе безупречное алиби инстинктивная реакция всякого убийцы. Чем интеллигентнее убийца, тем искуснее он это делает. Но только убийцы, имеющие абсолютную власть, могут создать себе абсолютное алиби. Чтобы замести следы, они совершают серию новых убийств: свидетели, исполнители, близкие люди убитого исчезают навсегда. Однако только у Сталина и его учеников организация политических убийств лиц, групп, классов и даже целых народов впервые сделалась особой отраслью криминального искусства с заранее созданными алиби.

Сталин был единственным тираном в истории, который убивал не только врагов, но и своих лучших друзей, если этого требовали его личные интересы. При этом алиби создавалось всем известной преданностью ему убиваемых - Менжинского, Куйбышева, Горького, Орджоникидзе, Кирова. Но Сталин заметал следы и в этих случаях. Брат Куйбышева (герой гражданской войны) и брат Орджоникидзе (старый грузинский революционер) были расстреляны. Расстреляны были некоторые из сотрудников и близких людей Горького, в том числе его личный секретарь. Было уничтожено все окружение С. М. Кирова.

Сталин убрал как свидетелей убийства Кирова, так и всех исполнителей. Хрущев заявил на XX съезде: "Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова" ("Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС", стр. 19).

Скажут, что тогда уничтожали всех без разбора. Нет, это делали весьма разборчиво. Существовал неписаный закон: чем ближе к Сталину стоял тайно убитый им человек, тем основательнее уничтожалось его окружение. Это относилось даже и к семье самого Сталина: он расстрелял шурина, старого большевика Сванидзе; он

расстрелял свояка, старого чекистского комиссара Реденса; он после войны сослал жену своего сына Якова, отняв у нее ребенка; он арестовал сестер своей жены — дочерей друга Ленина Аллилуева. Почему? Когда его дочь, недоумевая, спросила, в чем же вина ее теток, то Сталин ответил с не свойственной ему искренностью: "Знали слишком много" ("Двадцать писем к другу", стр. 182).

Вот за тех, кто "знал слишком много", и взялся Берия сразу после смерти Сталина. К ним, кроме соучастников Берия, относились: 1) две комиссии врачей - одна, "лечившая" Сталина, и другая, засвидетельствовавшая, что Сталина лечили "правильно"; 2) охрана и прислуга Сталина на даче в Кунцеве.

Большинство врачей из этих двух комиссий исчезли сразу после смерти Сталина. Один из врачей, участвовавших во вскрытии тела Сталина, профессор Русаков, "внезапно" умер. Лечебно-санитарное управление Кремля, ответственное за лечение Сталина, немедленно упраздняется, а его начальник И. И. Куперин арестовывается. Министра здравоохранения СССР А. Ф. Третьякова, стоявшего по чину во главе обеих комиссий, снимают с должности, арестовывают и вместе с Куперином и еще с двумя врачами, членами комиссии, отправляют в Воркуту. Там он получает должность главврача лагерной больницы. Реабилитация их происходит только спустя несколько лет, а это доказывает, что заметал следы не один Берия, а вся четверка.

Не менее круто поступил Берия с Кунцевском охраной и обслугой Сталина: ведь эти люди не только были свидетелями того, что происходило вокруг Сталина, но, очевидно, и рассказали Василию Сталину, как бериевские "врачи" залечили его отца.

Если бы Сталин умер естественной смертью "под постоянным наблюдением ЦК КПСС и Правительства", как гласило "Правительственное сообщение", то не происходили бы те "странные события" в Кунцеве, о которых пишет, впрочем, не вдаваясь в причины происходящего, дочь Сталина: "Дом в Кунцеве пережил, после смерти отца, странные события. На второй день после смерти его хозяина, — еще не было похорон, — по распоряжению Берия созвали всю прислугу и охрану, весь

штат обслуживавших дачу, и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны покинуть это помещение. Спорить с Берия было никому невозможно. Совершенно растерянные, ничего не понимающие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами все на грузовики, — все куда-то увозилось, на какие-то склады... Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали всех, кого куда. Многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего, не понимали - в чем их вина? Почему на них так ополчились?" ("Двадцать писем к другу", стр. 21 — 22).

Берия мог бы ответить на это так же, как и Сталин: они "знали слишком много". Поэтому их разослали по дальним городам, чтобы там без суда и без шума ликвидировать.

Наконец, была еще одна группа свидетелей — соучастники Берия: Маленков, Хрущев и Булганин. Сами по себе личности невыдающиеся, они все-таки представляли важнейшие институции: Маленков - государственную бюрократию, Хрущев — партийный аппарат, Булганин — армию. С ними Берия думал поступить так, как поступает всякий уважающий себя бандит: честно поделить добычу власть. Будучи на вторых ролях во время "лечения" Сталина, они после его смерти получили от Берия всю юридическую партийно-государственную власть с одной негласной оговоркой, запечатленной в новом кремлевском протоколе иерархии вождей: Берия согласился быть вторым лицом в государстве, чтобы управлять первым.

Берия был не только полицейским: как политик он был намного выше своих коллег и понимал, что Сталиным кончалась целая эпоха, что отныне стать великим и успешно править может только анти-Сталин. Действительно, выяснилось, что штыками можно завоевать и собственную страну, но управлять ею, вечно сидя на этих штыках, более чем неудобно. "Спуск на тормозах" — такой представляется мне политическая программа Берия.

Конечно, располагая только антибериевской информацией советской официальной истории и зная самого Берия как верховного инквизитора страны на протяжении почти

двадцати лет, трудно представить себе, что он мог превратиться в собственного антипода. В политике, однако, возможны всякие метаморфозы. Еще Ленин пророчески предсказал перерождение своих учеников: "История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная" ("Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет". М. 1961, стр. 28). Так оно и оказалось, когда, по словам Муссолини, "большевизм переродился в славянский фашизм".

После смерти Ленина партия выдвинула лозунг: "Без Ленина, но по ленинскому пути" — и попала в точку. Ленин отменил "военный коммунизм", дал нэп, сохранил Советы, ограничил ГПУ, разрешил творческие объединения в искусстве без соцреализма, но с частными издательствами, боролся с пролеткультами, заигрывал со сменовеховцами, обещал восстановить все свободы и права (Программа партии) — и умер. Страна была согласна идти по этому пути. Можно ли теперь сказать народу: без Сталина, но по сталинскому пути? Из бесконечного потока сводок сексотов Берия первым из членов Политбюро знал ответ народа на этот вопрос: великий вздох облегчения, всеобщие надежды на перемены. Берия отлично понимал, что только используя эти надежды, можно добиться успеха.

Не из любви к народу, не из ненависти к Сталину а не из раскаяния в содеянных преступлениях, а исходя из политических расчетов и личных интересов в новых условиях, Берия решил возглавить движение за реформы. Убивая Робеспьера, термидорианцы совсем не собирались сдать в музей гильотину, но когда они увидели, с каким ликованием народ встретил гибель вершителя террора, то решили воспользоваться этим недоразумением и возглавить движение за гуманность. То, что Хрущев сделал со Сталиным через три года на XX съезде (1956), Берия хотел начать сейчас же. Он и начал это, освободив 4 апреля 1953 года "врачей-вредителей" и сам же обвинив сталинско-бериевскую полицейскую систему в фальсификации, фабрикации дел и инквизиции.

Начало десталинизации и даже возникновения самого выражения "культ личности" ошибочно связываются с Хрущевым и XX съездом: впервые это выражение было употреблено через три месяца после смерти Сталина,

когда Берия был фактически правителем страны. В статье без подписи "Коммунистическая партия - направляющая и руководящая сила советского народа" (безусловно напечатанной по решению Президиума ЦК) "Правда" от 10 июня 1953 года писала: "...пережитки давно осужденных партией антимарксистских взглядов на роль масс, классов, партий, элементы культа личности до самого последнего времени имели место в пропагандистской работе, проникли на страницы отдельных книг, журналов и газет". Статья констатировала: "сила нашего партийного и государственного руководства в его коллективности", а "существо политики нашей партии изложено в выступлениях Г. М. Маленкова, Л. П. Берия и В. М. Молотова".

Эту скрытую антисталинскую программу Берия, несомненно, разделял и Маленков, но Хрущев был против нее, ибо она вела к популярности Берия и Маленкова, что не входило в его честолюбивые планы. Никакой собственной программы при этом у Хрущева не было, его только не устраивало создание новой тройки — Маленков, Берия, Молотов.

Как и всякому выученику Сталина. Хрущеву была важна не программа, сталинская или антисталинская, а власть, важно было взять этот самый "руль партии и государства" из "тех рук" в свои собственные руки. Мы уже знаем, что Хрущев этого потом добился, но добился потому, что никто из его коллег и не помышлял, что ему по плечу такая задача...

Тут история той же партии как бы вновь повторилась: Сталина единодушно выдвинули на пост генсека при Ленине, ибо его считали "тихоней" и бездарью и собирались использовать его в своих целях. Выдвигая Хрущева исполняющим обязанности первого секретаря ЦК после смерти Сталина, думали примерно то же: мужик, недотепа, партийный винтик, его так же можно использовать в своих целях, как на протяжении двадцати лет это делал Сталин...

Но вернемся к Берия и культу личности. Лучшее доказательство того, что первым инициатором курса десталинизации был лично Берия, мы находим в идеологической жизни партии. Как только покончили с траурной тарабарщиной в марте, имя Сталина стало постепенно исчезать со страниц газет и журналов. Сочинения Сталина прекращают издавать — последним

оказался том 13. Издание уже подписанных к печати следующих томов его Сочинений (14 и 15) приостанавливают, а потом вообще набор рассыпают. Если в апреле и мае в передовых статьях "Правды" все еще встречается имя Сталина, то за целый месяц (с конца мая до 29 июня) на Сталина ссылаются лишь один раз! Зато после ареста Берия имя Сталина названо только за одну неделю 12 раз со всеми прилагательными в превосходной степени.

В том же плане десталинизации Берия начал пересмотр пресловутой "сталинской национальной политики".

Внимание внешнего мира было приковано только к "делу врачей", поэтому прошли незамеченными десятки "национальных дел" в союзных и автономных республиках. Все эти дела тоже создавались по стандарту 30-х годов: во всех национальных республиках СССР орудуют озверелые банды "буржуазных националистов", которые подготавливают выход их республик из "братской семьи". После систематического глумления (в 20-х годах) над всем русским теперь "старший брат" призывался поднять свою имперскую дубину против малых народов.

Берия, в котором имперский жандарм легко уживался рядом с грузинским шовинистом (после депортации чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев по приказу Берия горная Чечня и гора Эльбрус были аннексированы Грузинской ССР), великолепно понимал, что слабое место Советского Союза — не мифическое капиталистическое окружение, а двойное окружение покоренных им народов: на окраинах России и в странах Восточной Европы. Берия хотел вернуть национальную политику хотя бы к ее ленинским истокам: коренизация партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства на родном языке. Этой цели служило решение Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 года, принятое по докладу Берия. В нем было сказано: "Президиум ЦК КПСС принял решение:

1) обязать все партийные и государственные органы коренным образом исправить положение в национальных республиках — покончить с извращениями советской национальной политики; 2) организовать подготовку выращивания и широкое выдвижение на руководящую работу людей местной национальности; отменить практику выдвижения кадров не из местной национальности;

освобождающихся номенклатурных работников, не знающих местный язык, отозвать в распоряжение ЦК КПСС;

3) делопроизводство в национальных республиках вести на родном, местном языке".

Дело не ограничилось этим постановлением. В национальных республиках приступили к ликвидации института вторых секретарей. Его создал Сталин. Он сводился и сводится к следующему: первый секретарь ЦК партии союзной республики назначается из националов, а второй секретарь ЦК — русский, прямо из Москвы. Ни языка, ни истории, ни культуры местного народа он не знает, и знать ему не надо. Он глаза и уши Москвы против потенциального сепаратизма. Лишь безнадежные донкихоты из местных первых секретарей могли всерьез воображать себя первыми (такими были, например, Бабаев в Туркмении, Мустафаев в Азербайджане, Даниялов в Дагестане, Мжаванадзе в Грузии, которых ЦК поэтому снял). На самом деле первый — это второй, а номинальный первый секретарь — всего лишь национальная бутафория при нем. Это все знают и к этому все привыкли. В национальных республиках были и есть должности, которые вообще могут быть заняты только русскими или обрусевшими националами. Таковы должности командующих военными округами, начальников гарнизонов, начальников пограничных отрядов, председателей КГБ республик, министров внутренних дел, управляющих железными дорогами и воздушными линиями, министров связи республик, директоров предприятий союзного значения, заведующих главными отделами ЦК. Первые заместители председателей советов министров союзных республик и первые заместители всех министров (где русский не министр) тоже обязательно русские.

Берия понял и, вероятно, убедил других, что в интересах самой партии отказаться от этой уродливой великодержавной практики и взять курс на коренизацию партийного и государственного аппарата. Начали с Украины и Белоруссии. Там даже первыми секретарями ЦК были русские: на Украине Л. Мельникова заменили украинцем Кириченко, в Белоруссии Патоличева заменили белорусом Зимяниным. В Латвии второго секретаря ЦК В. Ершова заменил латыш В. Круминьш.

До других союзных республик очередь так и не дошла: 26 июня Берия арестовали. В числе прочего его обвинили в

ставке на "буржуазных националистов", как примеры приводились Украина, Белоруссия и Латвия!
Сталинская национальная политика на окраинах осталась прежней.
Два вопроса — десталинизация политической жизни вообще и национальной политики в особенности — были теми двумя китами, на которых Берия собирался строить свою новую программу.
Однако партия и народ еще ничего не знали о программе Берия, а Хрущев уже начал интриговать против нее: "Президиум начал обсуждать меморандум Берия о национальном составе правительственных органов на Украине. Идея Берия сводилась к тому, что местные (нерусские) кадры должны руководить своими собственными республиками... Потом меморандум касался прибалтийских республик и Белоруссии. В обоих случаях подчеркивался принцип выдвижения к руководству республиками местных людей. Мы приняли решение, что пост первого секретаря каждой республики должен быть занят местным человеком, а не русским. Так случилось потому, что в этом вопросе позиция Берия была правильная, но он преследовал свою антипартийную цель. Он призывал отменить практику преобладания русских в руководствах нерусских республик. Каждый знал, что это находится в согласии с линией партии, но сперва люди не разобрались в том, что Берия выдвигает эту идею с целью увеличения национального напряжения между русскими и нерусскими, между центральным руководством в Москве и руководствами в республиках. В связи с этим я отвел Маленкова в сторону и сказал ему: “Слушай, т. Маленков, разве ты не видишь, куда это ведет? Мы идем к катастрофе. Берия точит свой нож”. — “Да, но что делать?” - “Пришло время сопротивляться. Мы не должны допустить то, что он делает”".
Впрочем, вспомним, что интриговать против Берия Хрущев начал еще при умирающем Сталине. Мы видели, как Хрущев обвинял Берия, что тот не скрывал своей радости по поводу смерти Сталина, но и сам, видно, скрывал ее с трудом. Правда, его радость была не полной: он боялся Сталина, но еще больше боится теперь Берия.
Как переселить Берия к Сталину (а этим заодно лишить и Маленкова его первого, и последнего, союзника) — такова была проблема, которой Хрущев посвятил отныне

всю свою кипучую энергию и недюжинный талант природного хитреца. Положение, создавшееся после смерти Сталина, он рисует в весьма мрачных тонах: "Когда Сталин умер, он оставил нам в наследство беспокойство и страх. Берия больше чем кто-либо позаботился, чтобы этот страх и беспокойство оставались среди нас живучими и постоянными. Я давно не верил Берия. Много раз я убеждал Маленкова и Булганина, что я рассматриваю Берия как авантюриста во внешней политике. Я знал, что он занят укреплением своей позиции и расставляет своих людей на важнейших постах".

У нас нет никакого основания не верить Хрущеву, что именно он, соучастник Берия в заговоре против Сталина, тут же, у постели умирающего Сталина, плел интриги против Берия. Характерно, что антибериевский заговор он сначала организовывал только с членами четверки, а потом только начал завербовывать против Берия и остальных членов Политбюро, что было очень легко. Советские граждане были приятно ошарашены, когда прочли 10 июля 1953 года в "Правде": "На днях состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Пленум ЦК КПСС, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК тов. Маленкова Г. М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над Правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение — вывести Л. П. Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза как врага Коммунистической партии и советского народа".

Берия на этом пленуме ЦК не был, как не было его и на судебном процессе в декабре. Судебный процесс над ним был обычным спектаклем, который Берия много раз устраивал над другими, с той лишь разницей, что главным героем был теперь не человек, а труп.

Хрущев постоянно рассказывал своим иностранным собеседникам, как Берия был арестован и убит. Непосредственными физическими убийцами Берия у Хрущева в разных вариантах рассказа выступают разные лица, но сюжет рассказа остается один и тот же.

Согласно одному из рассказов конец Берия был такой. Хрущев убедил сначала Маленкова и Булганина, а потом остальных членов Президиума ЦК, что если Берия не ликвидировать сейчас же, то он ликвидирует всех членов Президиума. Так, вероятно, думали все, хотя каждый боялся сказать об этом другому. Хрущев не побоялся. Трудна была лишь техника проведения операции против Берия. Нормальная процедура — свободное обсуждение обвинения против него в Президиуме ЦК или на его пленуме — совершенно отпадала. Опасаясь, что как только Берия узнает об обвинениях против него, то немедленно произведет государственный переворот и перестреляет всех своих соперников. Оставалось только классическое оружие всех подлецов: обман, засада, ловушка. А поскольку по этой части сам Берия был великим мастером, надо было ловкость обмана перемножить на искусность ловушки. Поэтому операцию против Берия приурочили к началу летних маневров Советской Армии. В маневрах Московского военного округа должны были участвовать и несколько сибирских дивизий (не всякий случай, если в московских дивизиях окажутся сторонники Берия). На заседании Совета министров министр обороны, его заместителя и начальник Генерального штаба должны были докладывать о ходе маневров, а поэтому было приглашено много военных. Повестка дня этого заседания, как обычно, была заранее разослана членам Совета министров со всякими проектами решений и с указанием имен всех приглашенных докладчиков и экспертов. Словом, рутина рутин. Явились все. Члены правительства собрались в зале заседаний Совета министров, а приглашенные, в том числе а военные, расположились, опять-таки как обычно, в комнате ожидания, откуда приглашенных вызывают в зал только во время обсуждения их вопроса. Первым поставили на обсуждение вопрос о ходе маневров Советской Армии. В зал вошла группа военных во главе с маршалом Жуковым и командующим войсками Московского военного округа генералом Москаленко. Маленков объявил объединенное заседание Президиума ЦК и Совета министров открытым. И тут же обратился к Жукову:

— Товарищ Маршал Советского Союза, предлагаю вам от имени Советского правительства взять под стражу врага народа Лаврентия Павловича Берия.

Военные берут Берия под стражу и уводят в соседнюю комнату. Президиум ЦК начинает обсуждать вопрос о его дальнейшей судьбе.
Теперь, рассказывал Хрущев, мы стали перед сложной, одинаково неприятной дилеммой: держать Берия в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить смертный приговор и судебном порядке. Принять первое решение было опасно, ибо за Берия стоял весь аппарат чекистов и внутренние войска и его легко могли освободить. Принять второе решение я немедленно расстрелять Берия у нас не было юридических оснований. После всестороннего обсуждения минусов и плюсов обоих вариантов мы пришли к выводу: Берия надо немедленно расстрелять, поскольку из-за мертвого Берия бунтовать никто не станет. Исполнителем этого приговора (в той же соседней комнате) в рассказах Хрущева выступает один раз генерал Москаленко, другой раз Микоян, а в третий раз даже сам Хрущев. Хрущев подчеркнуто добавлял: наше дальнейшее расследование дела Берия полностью подтвердило, что мы правильно расстреляли его.
Т. Витлин в своей монографии о Берия пишет: "Трудно сказать определенно, был ли он расстрелян Москаленко или Хрущевым, задушен Микояном или Молотовым при помощи тех трех генералов, которые схватили его за горло, как об этом тоже говорилось. Также трудно сказать, был ли он арестован на пути в Большой театр 27 июня (где все члены Президиума, кроме него, присутствовали на опере "Декабристы" — А. А.), или он был арестован после приема в польском посольстве, или он был арестован на заседании Президиума ЦК... Поскольку Хрущев пустил в ход несколько версий о смерти Берия и каждая последующая разнится от предыдущей, трудно верить любой из них".
Было принято считать, что Берия арестован 27 июня. В доказательство ссылались на отсутствие Берия на вышеназванной опере. Но в том же номере газеты "Известия", где приведен список членов правительства, присутствовавших в театре без Берия, напечатана большая политическая статья "Нерушимое единство партии и народа", где о Берия говорится как об одном из руководителей партии и государства. Однако вся статья направлена против десталинизации и национальной

программы Берия. Снова повторяются фразы о "ленинско-сталинской науке о коммунизме", о необходимости борьбы "против буржуазной идеологии национализма и космополитизма" и о том, что "партия всегда предостерегала и предостерегает советских людей от беспечности и ротозейства, воспитывает коммунистов и всех трудящихся в духе высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами". Это язык сталинской статьи ("Правда", 13.01.53) против Берия!
Зачем о Берия упомянули как об одном из руководителей, неизвестно. Редакция "Известий" не могла не знать, что Берия действительно был арестован за день до этой статьи, то есть 26 июня 1953 года, как об этом официально сообщила Прокуратура СССР ("Правда", 17.12.53).
Суд над Берия и его шестью помощниками был инсценирован 18 – 23 декабря 1953 года. В приговоре сказано, что Берия был с 1919 года и по день ареста иностранным шпионом (мусаватистским в Азербайджане, меньшевистским в Грузии, английским в СССР). Далее сказано, что Берия хотел поставить Министерство внутренних дел СССР над партией и правительством для захвата власти, чтобы потом провести "реставрацию капитализма и восстановление господства буржуазии"; Берия был против "повышения благосостояния советского народа" и "с целью создания продовольственных затруднений в нашей стране саботировал, мешал проведению важнейших мероприятий Партии", "подсудимый Берия Л. П. и его соучастники совершали террористические расправы над людьми", "Берия Л. П. и его соучастники предприняли ряд преступных мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках", "судом установлено, что подсудимые Берия Л. П., Меркулов В. Н., Деканозов В. Г., Кобулов Б. З., Гоглидзе С. А., Мешик П. Я. и Влодзимирский Л. Е., используя свое служебное положение в органах НКВД – МГБ
– МВД, совершили ряд тягчайших преступлений с целью истребления честных, преданных делу Коммунистической партии и Советской власти кадров". Во всех этих преступлениях подсудимые признали себя виновными. 23

декабря их всех приговорили к смерти. В тот же день они были и расстреляны.
Непредубежденный наблюдатель легко может заметить, что в этом обвинительном приговоре сущая правда соседствует с большой ложью. Что Берия и его коллеги (как их предшественники, так и их наследники) — враги народа, это правда, но что они хотели поставить свою политическую полицию над партией и правительством — это ложь. Незачем было им это делать: она уже двадцать лет стояла над партией и правительством. Что данный суд в декабре происходил над группой чекистов — это верно, но что там присутствовал и Берия — это мистификация. Хорошо осведомленная и близко задетая бериевским террором С. Аллилуева ничего не пишет о суде над Берия. Более того, из ее слов следует, что Берия был убит сразу после ареста: "После того как Берия был арестован в июне 1953 года и немедленно же расстрелян, спустя некоторое время правительство распространило длинный секретный документ о его "преступлениях". Читка его на партийных собраниях занимала больше трех часов подряд. Кроме того, что Берия был обвинен в "международном шпионаже в пользу империализма", больше половины секретного письма ЦК было посвящено его "аморальному облику". Партийные следователи с упоением рылись в грязном белье уже не опасного противника, и еще не одно партийное собрание не бывало столь увлекательным: описание любовных похождений поверженного "вождя" было сделано со всеми подробностями. Неизвестно только, в чем ЦК хотел убедить партийную массу: к политике это не имело никакого отношения. К внутрипартийной борьбе — тоже. Документ ничего не объяснял я ни в чем не убеждал — разве лишь в том, что ханжи из ЦК обнаружили собственную грязную натуру. После 1953 года жена и сын Берия были высланы из Москвы на Урал" ("Только один год", стр. 357 — 358).
Что Берия не было в живых во время суда над ним, свидетельствует и весьма солидный источник: согласно "Большой универсальной польской энциклопедии" Берия был расстрелян в июне 1953 года.
Сталин как-то заметил: "Беспечность — идиотская болезнь наших людей". И сам же стал жертвой этой болезни, недооценив подлость Берия. От той же болезни погиб и Берия, переоценив собственную подлость. * * *

Девизом своего поведения Сталин сделал знаменитые слова Лютера: "Здесь я стою и не могу иначе. Да поможет мне бог истории" — с маленькой поправкой: у Лютера был просто Бог, а у Сталина — "бог истории". "Я не Сталин, но в Сталине и я", — говорили большевики. Понятно, что такое олицетворение всей партии в собственной персоне лишало Сталина свободы маневрирования по какому-нибудь личному капризу. Самое страшное: как каждый бог, Сталин был лишен права ошибаться. Он знал, что его первая ошибка будет и последней бога низведут. Так и случилось...
Тбилисский Дантон все-таки оказался пророком...

Как произошел переворот?

КАК ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ?

Если существование антисталинского заговора надо считать фактом неоспоримым (как по условиям сложившейся наверху олигархии, так и по объективным результатам переворота), то вопрос, как произошел сам переворот, остается все еще одной из самых глубоких тайн Кремля.
После XX съезда, после "Закрытого письма ЦК" к партии, после ряда статей в печати в начале 1956 года с разоблачениями Сталина советские и иностранные коммунисты начали бомбардировать ЦК КПСС письмами и запросами: "Если Сталин был такой негодяй, то что же делали вы, ведь он без вас был ничто?" ЦК решил, что настало время сказать что-то важное. Было издано постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года "О преодолении культа личности и его последствий". В нем ЦК первый и последний раз признал, что антисталинские руководители ЦК (четверка) не сидели сложа руки. В их

лице был создан противовес Сталину: "XX съезд партии и вся политика ЦК после смерти Сталина ярко свидетельствуют о том, что внутри ЦК партии имелось сложившееся ленинское ядро руководителей" ("Правда", 2.07.56).
Так как в это "сложившееся ленинское ядро руководителей" не входил сам Сталин, то абсолютно ясно, что оно и сложилось против него. Таким образом, это "ленинское ядро" и есть псевдоним антисталинского заговора. Заговор фактически признается, но о технике его осуществления умалчивается (только через десять лет после смерти Сталина Хрущев немножко приподнял завесу над этой тайной). Однако сначала разберем версии, появившиеся в западной прессе.
Первая версия принадлежит Илье Эренбургу - подставному лицу, рупору тогдашнего руководства Кремля. Поручая Эренбургу эту миссию, Кремль преследовал те же цели, что и в постановлении ЦК от 30 июня 1956 года о культе личности: дать понять, что, когда Сталин создавал дело "врачей-вредителей", руководители ЦК не сидели сложа руки. Свою версию Эренбург рассказал французскому философу и писателю Жану Полю Сартру. После публикации во французской прессе она обошла и всю мировую печать.
Вкратце рассказ Эренбурга сводится к следующему: 1 марта 1953 года происходило заседание Президиума ЦК КПСС. На этом заседании выступил Л. Каганович, требуя от Сталина: 1) создания особой комиссии По объективному расследованию "дела врачей"; 2) отмены отданного Сталиным распоряжения о депортации всех евреев в отдаленную зону СССР (новая черта оседлости). Кагановича поддержали все члены старого Политбюро, кроме Берия (?!). Это необычное и небывалое единодушие показало Сталину, что он имеет дело с заранее организованным заговором. Потеряв самообладание, Сталин не только разразился площадной руганью, но и начал угрожать бунтовщикам самой жестокой расправой. Однако подобную реакцию на сделанный от имени Политбюро ультиматум Кагановича заговорщики предвидели. Знали они и то, что свободными им из Кремля не выйти, если на то будет воля Сталина. Поэтому они приняли и соответствующие предупредительные меры, о чем Микоян заявил бушующему Сталину: "Если через полчаса мы не выйдем свободными из этого помещения, армия займет Кремль!" После этого

заявления Берия тоже отошел от Сталина. Предательство Берия окончательно вывело Сталина из равновесия. А Каганович вдобавок тут же на глазах Сталина изорвал в мелкие клочки свой членский билет Президиума ЦК КПСС и швырнул Сталину в лицо. Не успел Сталин вызвать охрану Кремля, как его поразил удар: он упал без сознания. Только в шесть часов утра 2 марта к Сталину были допущены врачи (см.: "Die Welt", 1.09.56). "Выстрелом" Эренбурга послесталинский ЦК хотел убить трех зайцев; во-первых, мы не бездействовала, когда Сталин хотел создать новую черту оседлости для советских евреев; во-вторых, Сталин умер не без нашей помощи; в-третьих, Берия, как всегда, был со Сталиным, но перешел на нашу сторону, когда увидел, что армия с нами. Отметим, что, как и в будущих рассказах Хрущева, в версии Оренбурга врачи к Сталину вызываются только на второй день его смертельного удара.

Через год — в 1957 году — Кремль инспирировал выступление за границей бывшего члена Президиума ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС, а потом посла СССР в Нидерландах Пономаренко. И хотя Пономаренко, по существу, лишь подтвердил рассказ Эренбурга, его версия, поскольку он был официальным лицом и членом ЦК, была подхвачена мировой прессой как величайшая сенсация. — В от эта версия. Сталин в конце февраля 1953 года созвал заседание Президиума ЦК и сообщил о показаниях "врачей-вредителей" — как они умерщвляло видных деятелей партии и как они собирались делать это и дальше. Одновременно Сталин представил на утверждение Президиума ЦК проект декрета о депортации всех евреев в Среднюю Азию. Тогда выступили Молотов и Каганович с заявлениями, что такая депортация произведет катастрофическое впечатление на внешний мир. Сталин пришел в раж, начал разносить всех, кто осмеливался не соглашаться с его проектом. Еще раз выступил Каганович, на этот раз резко и непримиримо, демонстративно порвал свой партбилет (членский билет Президиума ЦК? — А. А.) и бросил его на стол перед Сталиным. Каганович кончил речь словами: "Сталин позорит нашу страну!" Кагановича и Молотова поддержали все, и негодующий Сталин вдруг упал без сознания — с ним случился коллапс. Берия пришел в восторг и начал кричать: "Тиран умер, мы — свободны!" — но когда Сталин вдруг открыл глаза, Берия

якобы стал на колени и начал просить у Сталина извинения. (Эта банальная сцена с Берия присутствует во многих советских инспирациях.)
Автор, у которого мы взяли версию Пономаренко, спрашивает: "Было ли Сталину разрешено умереть своей смертью или, как упорно утверждают слухи, против него организовался заговор его наследников?" По словам Эренбурга, сам Сталин был глубоко убежден, что члены Политбюро организовали заговор с целью убить его. Только очень странно и в свете дальнейших событий просто необъяснимо, что Сталин перепутал воображаемых заговорщиков с подлинными. В рассказе, приписываемом Эренбургу, говорится: "После XIX съезда стало ясно, что у Сталина мания преследования... Он готовил самую великую кровавую чистку, хотел физически уничтожить ЦК XIX съезда. Он в разговорах высказывал мысль, что Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян хотят убить его" (там же).
Эти высказывания или подозрения Сталина полностью согласуются с его повседневным поведением и с его отношением к своим соратникам. Как мы видели, Сталин их всех открыто обвинял в измене.
После XXII съезда КПСС вновь встал вопрос о смерти Сталина: неужели тиран, совершивший столько преступлений (о них говорил на съезде не только Хрущев, но и все новые члены Президиума ЦК), умер своей смертью? Разоблачения чудовищных преступлений Сталина (от массовых расстрелов по "спискам", без суда старых большевиков и даже жен многих из них и до новых подробностей убийства Кирова) так, видно, задели партию, что в ней нарастало возмущение: почему же такого негодяя не убили?
В 1963 году Хрущев, открыто сказав, что люди негодуют, что Сталин не умер на десять лет раньше, заявил: "Они правы".
Как раз через десять лет после смерти Сталина, после двухлетней интенсивной антисталинской пропаганды со времени XXII съезда Хрущев впервые отважился осветить и некоторые подробности смерти Сталина. Сделал он это перед деятелями Польской компартии. Или круг слушателей был слишком широк, или это входило в планы Хрущева, но кое-какие рассказанные им новые детали попали на страницы французского журнала "Paris Match" и были перепечатаны с комментариями в немецком

журнале "Der Spiegel" (1963, No 32). Свой анализ "Шпигель" начинает с утверждения: "Целый ряд улик говорит за то, что Сталин ни в коем случае не умер естественной смертью, как нас в свое время хотели уверить официальные сообщения".
Эта версия Хрущева рисует события так: Сталин умер вовсе не на кремлевской квартире, а в бывшем имении графа Орлова (это и есть кунцевская дача). Здесь, полностью изолированный от внешнего мира, Сталин был "пленником собственного страха". В ночь на 2 марта охраной Сталина сюда были срочно вызваны Хрущев, Маленков, Берия и Молотов (мы уже знаем, что Молотова среди них не было, но был Булганин. — А. А.). Охрана сообщила, что Сталин уже много часов не подает признаков жизни. Охрана не могла узнать, в чем дело, из-за сложности внутренней системы сообщения между тремя отдельными помещениями, в одном из которых находился Сталин. Открыть двери мог только он сам при помощи специального электрического механизма. Так как никто из охраны не знал, в какой именно комнате находился Сталин, пришлось взламывать все двери подряд: открыли одну, открыли другую — и здесь нашли Сталина. Он безжизненно лежал на полу, одетый в форму генералиссимуса. Первым отозвался Берия. "Тиран мертв, мертв, мертв", — торжествующе кричал он. В этот момент Сталин широко открыл глаза. Нет, он жив. Маленков, Хрущев, Молотов вышли из комнаты. Берия, постоянно носивший с собой ампулы с ядом, остался наедине со своим мстительным владыкой. Только через пять часов (якобы из-за большой гололедицы на дорогах) вызвали врачей.

Такова версия Хрущева, поляков, французского журнала. Очень важно заметить, что немного ранее (8 марта 1963 года) Хрущев на приеме представителей советской интеллигенции совершенно недвусмысленно намекнул, что Берия не только не скрывал своего торжества по поводу смерти Сталина, но был и заинтересован в его преждевременной смерти ("Шпигель", 1963, No 32). Если в смерти Сталина заинтересован только один Берия, так зачем же его оставлять наедине, да еще с ядом, с беспомощным, тяжко больным Сталиным?
Мы разобрали в этих двух главах пять версий последних дней Сталина: 1) Эренбурга — 1956-й, 2) Пономаренко —

1957-й, 3) Гарримана - 1959-й, 4) журнала "Пари Матч" — 1963-й, 5) "Khrushchev. Remembers" — 1970 год. Существует еще одна, шестая версия, исходящая из кругов реабилитированных старых большевиков. Эта версия получена при исключительных обстоятельствах, о которых еще рано писать...

Многие из реабилитированных еще при жизни старых большевиков принимали видное участие в комиссиях по расследованию преступлений Сталина (некоторых из них автор этих строк хорошо знал по Москве и Кавказу). Их-то в первую очередь интересовало: при каких все-таки обстоятельствах умер Сталин?

Версия старых большевиков, конечно, тоже могла родиться под влиянием Хрущева, который очень хотел морально реабилитировать себя перед ними: здесь инициатором устранения Сталина выступает Хрущев, а Берия поручается лишь "грязная работа". Однако, анализируя обстоятельства смерти Сталина, я этой версией не воспользовался, за исключением того, что относится к "делу врачей". Почему? По двум причинам: во-первых, установить ее подлинное происхождение отсюда, из-за границы, невозможно; во-вторых, на некоторых местах рассказа старых большевиков лежит налет хрущевской пропаганды. Тем не менее в этом рассказе попадаются вполне правдоподобные сцены.

Согласно этой версии события 28 февраля — 1 марта развиваются так, как рассказано у Хрущева: четверка посетила Сталина, они вместе мирно и весело ужинали, но встреча состоялась вовсе не по инициативе Сталина. Ее предложил Маленков под предлогом, что нужны указания Сталина по вопросам, которые будут обсуждаться на заседании Совета министров в понедельник, 2 марта. За неделю до этого Сталин сообщил Бюро Президиума ЦК, что процесс над "врачами-вредителями" назначен на середину марта, и вручил им копии "Обвинительного заключения", подписанного генеральным прокурором СССР. Этот документ, как и комментарии генерального прокурора, ставленника Берия, Сафонова, о беседе со Сталиным окончательно рассеяли всякие сомнения в истинных намерениях Сталина. Выходило, что американцы во время войны сумели создать свои агентурные точки не только в кремлевском лечебно-санитарном управлении, но даже в ЦК (Лозовский) и МГБ (Абакумов). Англичане то же самое

сделали еще до войны, а во время войны расширили свою сеть, завербовав туда членов ЦК Кузнецова, Попкова, Родионова. Об армии ничего не говорилось, кроме того, что были предназначены к отравлению Василевский, Говоров, Штеменко, Конев. Но и здесь между строк было видно, что только такие обиженные маршалы, как Жуков, Воронов, Юмашев, Богданов, могли быть заинтересованы в этом. Вопрос о том, кто был заинтересован в умерщвлении Жданова и Щербакова, оставался открытым. Однако все знали, что Берия и Маленков никогда не были в хороших отношениях с ними и если, например, Сталин действительно убил Жданова, то он его убил руками Берия, как Кирова руками Ягоды.

Словом, стало ясно, что процессом врачей дело не кончится, а, как в 1937 году, полетят головы и у многих членов Политбюро. Когда Берия, Маленков, Хрущев и Булганин проштудировали этот документ, то, по предложению Хрущева, они решили коллективно обсудить положение. Встреча состоялась в подмосковном лесу под видом охоты (в четырех стенах на данную тему никогда не говорилось). Было решено — из-за состояния здоровья Сталина, не позволяющего ему участвовать в оперативной работе партии и правительства, предложить ему подать в отставку со всех постов. Но ведь Сталин, чтобы выиграть время, мог подписать любой документ, а потом уничтожить его инициаторов. Как быть? Хрущев якобы обратился к Берия: "Лаврентий Павлович! Ты специалист в таких делах, а мы в этом ни черта не понимаем, скажи, как сделать так, чтобы Сталин и дальше жил, но не вмешиваясь в дела партии и государства?" Берия понял намек и без всяких экивоков ответил, что Сталин за решеткой был бы еще более опасен, чем на воле; он и после смерти еще долго будет вмешиваться в дела, если от него не отмежеваться. Однако ничего конкретного Берия не предложил.

Тогда Маленков предложил заставить Сталина прочесть заявление об отставке по радио и телевидению, а потом изолировать его от всего мира на Соловецком острове.

Однако Берия заявил, что он и его чекисты могут ручаться только за мертвого Сталина. Это было то, что думал и Хрущев, но он хотел это услышать от Берия. Искренность Берия была несомненна: ведь и его

собственная голова находилась в опасности. Маленков не без колебания присоединился к Берия и Хрущеву.
Через несколько дней Берия пригласил к себе на дачу Маленкова, Хрущева и Булганина и предложил им два детально разработанных плана: "малый" и "оптимальный". "Малый план" предусматривал отставку Сталина без участия посторонних сил. У Сталина на очередном ужине с четверкой в Кунцеве должен случиться смертельный удар — такой, чтобы он сразу не умер, но и не смог бы выжить. Умирать Сталин должен был при свидетелях, в том числе таких, как его дети и врачи. "Оптимальный план" предусматривал взрыв дачи Сталина, когда он спит (значит, днем). Под видом продуктов нужно было доставить динамит для взрыва не только помещения Сталина, но и прилегающих зданий, чтобы заодно ликвидировать и лишних свидетелей.
За успех "малого плана" должны отвечать все четверо, ответственность за успех "оптимального плана" Берия брал на себя лично. В каждом из этих планов предусматривались и превентивные меры: из Москвы надо было удалить под разными предлогами явных сторонников Сталина, особенно тех, кто ведал средствами коммуникации и информации (Министерство связи, радио и телевидения, ТАСС, редакции "Правды" и "Известий"), а также некоторых видных руководителей из Министерства обороны, МГБ, МВД и комендатуры Кремля. В то же время наиболее надежных сторонников четверки (маршал Жуков и другие) следовало вызвать в Москву. Все средства связи дачи Сталина, его кремлевской квартиры и служебных кабинетов начиная с определенного Х-часа отключались от всех общих и специальных правительственных проводов. Все машины, дачи Сталина, охраны и обслуги "конфисковывалось" с начала Х-часа. Все дороги к даче и от нее — как по земле, так и по воздуху — закрывались для всех, в том числе для всех членов Президиума ЦК, кроме четверки.
Функции членов четверки были четко разграничены: Берия отвечал за "оперативную часть" плана, Маленков - за мобилизацию партийно-государственного аппарата, Хрущев - за столицу и коммуникацию, Булганин — за наблюдение за военными. С самого начала Х-часа четверка объявляла о "тяжелой болезни" Сталина и брала в руки власть "до его полного выздоровления". Так легализовались все действия заговорщиков. Самым оригинальным в этом

рассказе надо считать, пожалуй, то, что заговорщики утвердили оба плана сразу! Начать решили с "малого плана", но в случае его провала тут же пускался в ход запасной, "оптимальный план". Если заговор, так с абсолютно гарантированным успехом — этому учил ведь и сам Сталин ("бить врага надо наверняка!"). После такой подготовки и состоялась встреча четверки со Сталиным на его даче в Кунцеве вечером 28 февраля 1953 года. Поговорив по деловым вопросам и изрядно выпив, Маленков, Хрущев и Булганин уезжают довольно рано — но не домой, а в Кремль. Берия, как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одному варианту мужчина, адъютант Берия, а по другому — женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные данные против Хрущева в связи с "делом врачей", Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время "лечения" Сталина в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точных дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно.

Таков рассказ старых большевиков. При этом невольно вспоминается то место из книги Аллилуевой, где сказано несколько слов о какой-то таинственной женщине-враче у постели умирающего Сталина: "Молодые врачи ошалело озирались вокруг... Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, где я ее видела? Мы кивнули друг другу, но не разговаривали" ("Двадцать писем к другу", стр. 7).

Я думаю, что выяснение роли данной женщины-врача при Берия было бы очень важно. Интересно, где же Аллилуева видела эту женщину до смерти Сталина и видела ли она ее после его смерти?

В связи с разбираемыми версиями интересно и следующее замечание А. Солженицына: "Есть признаки, что перед смертью Сталина Берия был в угрожаемом положении — и может через него-то Сталин и был убран" ("Архипелаг ГУЛАГ", т. 1, стр. 166).

Во всех версиях, рассказанных двумя членами Президиума сталинского ЦК и одним советским писателем, поразительно неизменны три утверждения:
1) смерть Сталина сторожат из Политбюро только четыре человека - Берия, Маленков, Хрущев и Булганин; 2) к Сталину врачей вызывают только на вторые сутки; 3) в смерти Сталина заинтересован лично Берия.
Отсюда два логических вывода:
1) несмотря на исключительную тяжесть болезни Сталина (потеря сознания), к нему намеренно не вызывали врачей, пока четверка не убедилась, что смертельный исход неизбежен; 2) поскольку вызовом врачей распоряжался (даже по долгу службы) один Берия, то он, очевидно, вызывал тех, кто будет исполнять его волю — поможет Сталину умереть.
Эти врачи, видимо, не имели никакого отношения к Лечебно-санитарному управлению Кремля. По крайней мере Аллилуева никого из них не знала, а Хрущев говорит, что он знал только профессора Лукомского. Не все вызванные врачи и осмотрели Сталина. Они сидели в соседних комнатах и, как рассказывает Аллилуева, "заседали" — как лечить Сталина. Данные о ходе болезни и ее симптомах сообщал другой врач, тоже никому, кроме Берия, не известный.
Предположение о причине болезни Сталина также может быть двояким:
1) Сталин получил удар, когда ему предъявили ультиматум о "врачах-вредителях" с угрозой пустить в ход вооруженные силы; 2) Берия отравил Сталина ядом замедленного действия.
Итак: или удар от Политбюро, или яд от Берия?
Относительно возможного покушения на его жизнь у Сталина был определенный комплекс всех восточноазиатских деспотов - он боялся именно отравления. Сталин считал потенциальным отравителем любого из членов Политбюро. Хрущев рассказывает просто анекдотические случаи, когда, садясь со своими соратниками за стол, Сталин сначала заставлял каждого из них под различными, хотя и весьма прозрачными предлогами пробовать все, что подано, и лишь после этого сам начинал пить и есть. Лишь Берия не должен был пробовать пищу: он ел только зелень и привозил ее с собою (см.: Khrushchev. Remembers, vol. I, p. 321). Это не очень правдоподобное исключение для Берия (от

которого, по предыдущему рассказу Хрущева, Сталин ожидал любой подлости) Хрущев делает, видимо, чтобы показать, как Берия мог перехитрить самого Сталина.
Что Сталин больше всего боялся отравления, показывает и та тщательность, с которой он оградил свою крепость-дачу от проникновения яда не только в пище, но и в воздухе; "К его столу везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из специальных питомников, грузинское вино специального разлива, свежие фрукты доставляли с юга самолетом. Он не знал, сколько требовалось транспортировок за государственный счет, чтобы регулярно доставлять все это к столу... "база" существовала главным образом для того, чтобы специальные врачи подвергали химическому анализу на яды все съедобное, поставлявшееся ему на кухню. К каждому свертку с хлебом, мясом или фруктами прилагался специальный "акт", скрепленный печатями и подписью ответственного "ядолога": "Отравляющих веществ не обнаружено". Иногда доктор Дьяков появлялся у нас на квартире в Кремле со своими пробирками и "брал пробу воздуха" из всех комнат" (С. Аллилуева. Только один год, стр. 335 — 336).
Разумеется, когда сам Берия захочет отравить Сталина, все эти предосторожности не будут играть никакой роли, тем более что "внутренний кабинет" Поскребышева исчез, как и генерал Власик, как и все врачи Сталина. После этого Сталин жил только милостью Берия. "Проблема Сталина" для Берия в принципе тогда уже была решена, важнее для него Было другое — заполучить дружелюбный нейтралитет молотовцев и активную поддержку членов четверки. Хрущев не отрицает, что Берия умел ловко подбирать людей, обиженных Сталиным: "Берия имел привычку завербовывать в свою сеть людей, у которых возникали трудности со Сталиным. Он ими тогда пользовался для собственной интриги" (Khrushchev. Remembers, vol. 1, p. 95).
Ход и исход антисталинского переворота показывают блестящий успех этого метода "вербовки обиженных". В решающие минуты около Сталина не оказалось никого; ни "старой гвардии" Сталина — молотовцев, ни "вернейшего оруженосца" Поскребышева, ни пожизненного лейб-охранника Власика, ни преданного сына Василия, ни даже личного врача Виноградова. Смерть Сталина караулит и регулирует Берия при неизменном присутствии трех его

соучастников - Маленкова, Хрущева, Булганина, изменивших и Сталину и Берия.
На митинге 19 июля 1964 года, устроенном в честь венгерской партийно-правительственной делегации во главе с Яношем Кадаром, Хрущев в своей речи, передававшейся через прямую трансляцию по всему СССР в через Intervision по всей Восточной Европе, во всеуслышание признался в насильственной смерти советского диктатора: "Сталин стрелял по своим. По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем... Напрасны потуги тех, которые хотят руководство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин... И никто не обелит (его — А. А.) - Черного кобеля не отмоешь добела... (Аплодисменты.) В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором" (Радио Москва 1, 19 июля 1964 года, 11.55 среднеевропейского времени, мониторная радиозапись станции "Свобода"). Слова о тиранах газеты "Правда" и "Известия" при напечатании речи Хрущева вычеркнули, но их слышали многие миллионы людей в СССР и Европе.
Не в том загадка смерти Сталина, был ли он умерщвлен, а в том, как это произошло. Поставленные перед альтернативой, кому умереть - Сталину или всему составу Политбюро, члены Политбюро выбрали смерть Сталина. И по-человечески никто не может ставить им в вину такой выбор.
Это был один из немногих случаев в истории Советского государства, когда интересы членов правительства совпали с интересами народа.

Разгром "внутреннего кабинета"

РАЗГРОМ "ВНУТРЕННЕГО КАБИНЕТА"

Анализ последующих событий показывает, что новый министр госбезопасности С. Д. Игнатьев играл двойную

роль: прилежно выполнял приказания Сталина и аккуратно сообщал их тем, против кого они были направлены, — Маленкову, Берия, Хрущеву. Это было не предательством, а своего рода самострахованием Игнатьева. Он знал, что никто из министров госбезопасности, уничтожавших людей по приказу Сталина, своей смертью не умер. После выполнения ими задания Сталин их также ликвидировал. Так погибли Менжинский, Ягода, Ежов. Так сидит теперь Абакумов, на очереди стоит Берия, а после Берия Сталин ликвидирует и его, Игнатьева.

О двойной игре Игнатьева, например, в "деле врачей" сообщил XX съезду Хрущев. "На этом съезде, — сказал Хрущев, — присутствует в качестве делегата бывший министр государственной безопасности товарищ Игнатьев. Сталин ему резко заявил: "Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову" (Н. С. Хрущев, "Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС", стр.
44).

Зная, что Сталин при всех условиях "укоротит его на голову", Игнатьев и стал вести двойную политику. Иначе его не было бы на съезде, которым руководило старое Политбюро во главе с Хрущевым, Булганиным, Маленковым. Он, собственно, оказался и единственным уцелевшим руководящим чекистом из сталинского окружения: его заместителя Рюмина расстреляли, расстреляли его предшественника министра госбезопасности Абакумова и всех его помощников, расстреляли предшественника Абакумова министра госбезопасности Меркулова и всех его помощников, расстреляли Берия и всех его помощников, ликвидировали министров внутренних дел и госбезопасности Круглова и Серова и всех их помощников, а вот Игнатьев остался жив (в 1974 году к своему семидесятилетию он даже получил орден).

Когда после смерти Сталина Берия объединил министерства госбезопасности и внутренних дел в одно МВД С ССР и сам возглавил его, то Игнатьев получил лишь повышение - его сделали секретарем ЦК КПСС по госбезопасности!

Столь удивительной способностью самосохранения, умением приспособляться к обстановке и обходить подводные рифы, да еще играть с таким огнем, как Сталин, мог обладать лишь исключительно талантливый

партаппаратчик. Им и оказался Игнатьев. Более четверти века он работал внутри партаппарата на всех уровнях: в области (Башкирия), в республиках (Узбекистан и Белоруссия), в центре (ЦК КПСС). Он был более предан аппарату, чем лицам, даже таким, как Сталин. Он был не оппортунистом, а фанатиком аппарата. В этом, вероятно, и секрет его спасения.

Естественно, что и в Министерстве госбезопасности он ощущал себя не профессиональным чекистом, а резидентом партаппарата, его посланником и исполнителем его воли. Если интересы тайной полиции приходили в столкновение с интересами партаппарата, то люди типа Игнатьева становились на сторону партии, а партию олицетворял собою партаппарат. Однако личная диктатура Сталина требовала, чтобы не партия контролировала полицию, а, наоборот, полиция контролировала партию. И теперь, когда Сталин задумал новую чистку и против партии и против полиции, он невольно спровоцировал единение старых полицейских кадров со старыми партаппаратчиками, в результате чего ему и подсунули министром безопасности Игнатьева. Сталин принял нового главу полиции в уверенности, что он его перекует по своему образу и подобию. И ошибся. Игнатьев оказался истинным сталинцем: двурушником. В силу этого Игнатьев был идеальным орудием на идеальном месте для организации заговора против Сталина.

Теперь наше изложение вступает в область, где наряду с официальными данными важную роль играют и доказательства косвенные.

По Хрущеву (см.: Khrushchev. Remembers, vol. I, p. 305), "врачи-заговорщики" были под арестом еще со времени XIX съезда (октябрь 1952); "сценарий" по делу Гомулки тоже уже был известен. В ноябре того же года судили ставленников Берия в Чехословакии (процесс Славского); интенсивно шли допросы бериевцев в Тбилиси.

Первые же сообщения Игнатьева о ходе допросов врачей показали, что замыслы Сталина направлены не только против Берия и его чекистов, но и против всего Политбюро.

Комментатор хрущевских воспоминаний Эдвард Кренкшоу совершенно правильно пишет, что "последняя чистка Сталина была направлена против его ближайших коллег,

в первую очередь против Берия" (Khrushchev. Remembers, vol. I, p. 301). Все это и привело к решению Берия предложить Сталину, чтобы он подал в отставку со всех своих постов.

На путях к предъявлению, а тем более к осуществлению такого решения, однако, были очень серьезные препятствия, без преодоления которых Сталин был неуязвим. Это его "внутренний кабинет" во главе с генералом Поскребышевым, его личная охрана во главе с генералом Власиком, комендатура Кремля во главе с генералом Косынкиным. Берия отлично понимал, что Сталина можно превратить в политический труп только через физические трупы этих преданных ему служак.

Были еще две проблемы: во-первых, где предложить Сталину отставку - в Кремле, на его даче под Москвой или на его даче на Черноморском побережье (как это потом сделали с Хрущевым); во-вторых, кого из членов Президиума ЦК можно включить в "делегацию" к Сталину.

Известно было, кто не пойдет к Сталину с таким требованием: Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, — не пойдут из-за своих былых личных связей или из-за трусости. Новые члены Президиума вообще отпадают - велика была опасность, что кто-нибудь из них выдаст весь план. Остаются те, кого Хрущев называет правительствующим внутренним кругом нового Бюро, куда, кроме Сталина, входили только члены негласной четверки: Берия, Маленков, Хрущев и Булганин плюс ставленник этой четверки — Игнатьев. По иронии судьбы только их Сталин и пускал к себе.

Данные Хрущева подтверждаются и воспоминаниями Аллилуевой: "В самое последнее время обычными лицами (у Сталина на даче — А. А.) были: Берия, Маленков, Булганин, Микоян. Появлялся и Хрущев. С 1949 года, после ареста его жены, Молотов был фактически не у дел, и даже в дни болезни отца его не позвали" ("Двадцать писем к другу", стр. 192).

Местом, наиболее безопасным для предъявления Сталину требования об отставке, конечно, было далекое от Москвы Черноморское побережье Грузии. Однако после создания "мингрельского дела" Сталин побаивался своих земляков и перестал ездить туда на отдых. Аллилуева сообщает: "Последнее время он жил особенно уединенно; поездка на юг осенью 1951 года была последней" (там

же, стр. 190). Так отпал юг. Оставались Кремль и дача под Москвой. Кремль импонировал с легальной стороны — как резиденция государства и партии. Все легальные акты должны исходить отсюда. Но если Сталин отказался бы принять требование об отставке, то одним нажатием кнопки он поднял бы тревогу не только в Кремле, но и в Москве да и по всей стране: коммуникация здесь была идеальная. Поэтому отпадал и Кремль. Оставалось Кунцево, дача Сталина под Москвой.

Кунцево тоже было опасно, но только до тех пор, пока безотказно действовал "внутренний кабинет" Сталина. Лишите Сталина этого "кабинета", и тогда он в ваших руках — таков и был план Берия. Надо было убрать от Сталина его личного врача, начальника его личной охраны, начальника его личного кабинета, его представителя в Кремле — коменданта Кремля. Их можно было убрать только руками самого Сталина. Здесь Берия был в своей стихии.

У вас нет никаких прямых свидетельств, но нет и сомнений, что именно Берия организовал пропажу секретных документов Сталина из бюро Поскребышева, о которой рассказывает Хрущев (см.: Khrushchev. Remembers, vol. 1, pp. 292 - 293). Вероятно, Берия сумел утащить у Поскребышева что-то более секретное, чем экономические рукописи Сталина, о которых говорит Хрущев. Иначе не было бы понятно заявление Сталина: "Я уличил Поскребышева в утере секретного материала. Никто другой не мог этого сделать. Уточка секретных документов шла через Поскребышева. Он выдал секреты" (там же, стр. 292). Сталин немедленно снял Поскребышева, но расстрелять не успел.

Куда легче было направить гнев Сталина против генерала Власика. Как профессиональный чекист он был целиком в руках Берия, благодаря которому и удержался у Сталина столько лет. Но его, вероятно, никак нельзя было использовать против Сталина, зато оказалось возможным спровоцировать Сталина на его арест, что Берия и сделал. Аллилуева пишет: "Надо сказать, что в это самое последнее время даже давнишние приближенные отца были в опале: неизменный Власик сел в тюрьму зимой 1952 года, и тогда же был отстранен его личный секретарь Поскребышев, служивший ему около 20 лет" ("Двадцать писем к другу", стр. 192).

Зимой 1952 года — это значит в декабре 1952 года, так как в октябре 1952 года Поскребышев выступал на XIX съезде партии и там был избран членом ЦК. Добавим тут же: освобожденные Поскребышевым, Власиком и их помощниками места заняли люди, выдвинутые туда через Игнатьева "внутренним кругом" — четверкой.

Есть серьезные основания предполагать, что личный врач Сталина Виноградов и начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Егоров тоже были арестованы по плану Берия. По тому же плану, вероятно, был снят и министр здравоохранения СССР Смирнов, имевший доступ к Сталину (на его место назначили никому не известного в партии, но хорошо известного Берия врача Третьякова).

Один из деятелей Коминтерна, Франц Боркенау, по свежим следам ареста кремлевских врачей высказал догадку: арест личных врачей Сталина означает заговор против него его соратников во главе с Маленковым - они хотят приставить к Сталину своих врачей, чтобы решить его судьбу (см.: "Rheinisher Merkur", 23.01.53).

Сегодня уже определенно можно утверждать, что врачи из группы академика Виноградова (лейб-врача Сталина) были арестованы по доносу сексотки Берия, врача Тимашук, но Сталин обратил эти аресты против самого Берия, объявив врачей "давнишними английскими шпионами" (как и Берия!) по доносу маршала Конева (см.: Khrushchev. Remembers, vol. II, p. 305).

О реакции Сталина на арест врачей рассказывала его экономка Валентина Васильевна. Так, сразу же после ареста личных врачей Сталина о них заговорили у Сталина за обеденным столом в присутствии Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина. Аллилуева пишет: ""Дело врачей" происходило в последнюю зиму его жизни. Валентина Васильевна рассказывала мне позже, что отец был очень огорчен оборотом событий. Она слышала, как это обсуждалось за столом во время обеда. Она подавала на стол, как всегда. Отец говорил, что не верит в их "нечестность", что этого не может быть — ведь "доказательством" служили доносы доктора Тимашук, — все присутствующие, как обычно в таких случаях, молчали..." ("Двадцать писем к другу", стр. 192).

Аллилуева думает, что Валентина Васильевна пристрастна и защищает ее отца, но добавляет: "И все-таки надо слушать, что она рассказывает, и извлекать из этих рассказов какие-то здравые крупицы, так как она была в

доме отца последние 18 лет, а я у него бывала редко" (там же).
Допускал ли сам Сталин заговор против себя со стороны Берия? Не только допускал, но и очень опасался его как раз после войны. Вот рассказ Хрущева: "После войны Берия стал членом Политбюро, и Сталин начал тревожиться о его растущем влиянии. Более того, Сталин начал бояться его. Я тогда не знал, какие причины для этого, но позднее, когда была раскрыта вся машина Берия по уничтожению людей, все стало ясно. Практические средства по достижению целей Сталина находились в руках Берия. Сталин осознал, что если Берия способен уничтожить любого человека, на которого он укажет ему пальцем, то он, Берия, может уничтожить и любого другого по собственному выбору. Сталин боялся, что он окажется таким первым лицом, которого выберет сам Берия" (Khrushchev. Remembers, vol. I, p. 335).
Все известные нам из истории тираны были мнительны, трусливы, вечно воображали себя в опасности, сами разрабатывали сложнейшие правила обеспечения своей личной безопасности, выкидывали разные трюки, чтобы проверить преданность окружающих. То, что люди называют манией преследования, на самом деле было их вернейшим превентивным оружием против возможных заговорщиков. Сталин превзошел и в этом отношении всех своих предшественников.
Прежде всего он лишил потенциальных заговорщиков их излюбленного времени расправы с тиранами — ночи. Сталин был единственный в истории тиран, который ночью не спал, а работал или веселился в компании соратников у себя на даче. Ложился спать в четыре - пять часов утра, а вставал в одиннадцать двенадцать часов дня. Вся гигантская партийная и государственная машина страны тоже приспосабливалась к этому режиму работы.
Сталин был и единственным правителем, не жившим в отведенной ему официальной резиденции — в Кремле. Вся страна думала, что Сталин живет в той трехкомнатной квартире в здании бывшего сената в Кремле, которую описал Анри Барбюс, а на самом деле он жил в изолированной от внешнего мира, запрятанной в лесу, обнесенной высоким забором крепости под Москвой, которая называлась Ближней дачей в Кунцеве.

Да, ни один тиран в истории так надежно не охранялся, как Сталин при Поскребышеве и Власике, и ни одна свита не была так предана своему владыке, как сталинская (поэтому-то у него малограмотные повара делались генералами, а личные охранники в конце концов становились министрами - Абакумов, Меркулов, Круглов). Порядок посещения Сталина не только министрами, но и членами Политбюро был просто оскорбительным — каждый, кто шел к Сталину, независимо от чина и ранга, должен был подвергаться обыску его личной охраной. Насколько строгой была личная охрана Сталина, показывает, например, случай, бывший с Молотовым. Однажды, возвращаясь из важной поездки в Лондон, Молотов прямо с аэродрома направился с докладом к Сталину в Кремль. Охрана нашла в кармане Молотова пистолет и не очень вежливо вытащила его оттуда. Молотов пожаловался Сталину, но Сталин поддержал свою охрану (см.: Victor Alexandrov. The Kremlin. London. 1963, p. 322). Таким же строгим был порядок охраны и дачи-крепости Сталина...

Хрущев сообщает, что Берия участвовал в подборе обслуги и охраны Сталина. Было время, когда Берия окружил Сталина только грузинами. Сталин обратил на это внимание и обвинил Берия, что он верит только грузинам, тогда как русские ему, Сталину, не менее преданы. Берия пришлось заменить охрану. Однако влияние Берия и на новую охрану Сталина было велико. Хрущев замечает: "Берия и после изгнания грузин продолжал контролировать и дальше свиту Сталина. Берия так долго работал в Чека, что знал всех чекистов. Они все искали расположения Берия, и Берия было легко их использовать для своих целей. Поэтому Сталин не мог верить даже своей русской свите, включая и лейб-охрану" (Khrushchev. Remembers, vol. I, p. 336).

Однако пока Поскребышев стоял во главе "внутреннего кабинета", а Власик во главе охраны, Берия не так уж легко было бы использовать охрану Сталина "для своих целей". Но, поддавшись провокации, Сталин разгромил весь свой "внутренний кабинет". Это был с его стороны самоубийственный акт.

Легко представить, какое важное значение придавала четверка тому, чтобы место Поскребышева занял человек, способный изолировать Сталина от внешнего мира и информации и сам не знающий, почему это надо делать

(у заговорщиков было много таких невольных исполнителей). Временно должность Поскребышева занял старший после него в "кабинете" — Владимир Наумович Чернуха, сибиряк, член партии с 1918 года, активный участник гражданской войны, вместе с которым Поскребышев и начал свою большевистскую карьеру в Уфе и которого он притащил в "Секретариат т. Сталина" в 1925 году. Чернуха был хотя и лояльным, но ограниченным аппаратчиком из породы канцелярских крыс. Он явно не подходил к роли нового Поскребышева, а других около Сталина не было. Вероятно, поэтому Сталин решил искать себе нового помощника вне аппарата ЦК. От нового шефа "кабинета" С талина требовались, кроме волевых качеств и преданности, всестороннее знание функционирования партийно-чекистской машины, военного порядка и основательная теоретическая подготовка. И такой человек очень скоро нашелся: первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Владимир Никифорович Малин. Это был кандидат с самыми высокими связями — его по прежней работе знали по крайней мере следующие члены Президиума ЦК КПСС: Андрианов, Пономаренко, Игнатьев, Маленков и Берия.

Малин был из числа тех маленковцев, которые пришли в аппарат партии в результате "великой чистки". К началу войны Маленков его сделал секретарем ЦК Белоруссии, во время войны он был назначен сначала членом Военного совета армии в ранге генерала, потом заместителем начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования (начальником штаба был Пономаренко). Весьма вероятно, что в этой должности Малин соприкасался и со Сталиным во время очередных докладов о партизанских делах, но зато несомненно, что по роду своей службы Малин имел тесный контакт с Берия. После войны он вновь был назначен вместе с Пономаренко и будущим министром госбезопасности Игнатьевым одним из секретарей ЦК Белоруссии. Когда в 1948 году Пономаренко был назначен секретарем ЦК КПСС, Малин попросился на учебу в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК. Он окончил ее в 1949 году досрочно, получив ученую степень кандидата наук. В том же году, когда начался разгром ждановцев, Маленков отправил в Ленинград своих самых проверенных людей: Андрианова — первым секретарем Ленинградского обкома и Малина — первым

секретарем Ленинградского горкома. Вот с этого поста в конце 1952 года Малин перебрался в кресло Поскребышева, разумеется, без его репутации грозного временщика, но достаточно властный, чтобы сыграть предназначенную ему роль - аккуратно докладывать Маленкову каждое распоряжение и движение Сталина, и достаточно умный, чтобы не претендовать на самостоятельность в данных условиях.

Как только Сталин опубликовал знаменитую статью от 13 января 1953 года об аресте кремлевских врачей, всякие гадания о замыслах диктатора кончились. Теперь все ждали — от членов Политбюро и до рядовых советских граждан - "худшего варианта": чистки "бурной, всесокрушающей, беспощадной", которая, как и в 1937 году, должна унести в тюрьмы, лагеря и на тот свет миллионы людей, чтобы Сталин чувствовал себя еще более безопасным на своей даче-крепости. Таково именно было впечатление Заградина-Хрущева после посещения дачи-крепости Сталина в Кунцеве. Если этого не произошло, если сотни тысяч людей остались в живых, если миллионы были спасены от отправки в концлагеря, то это заслуга самого ненавистного после Сталина человека в СССР — Берия...